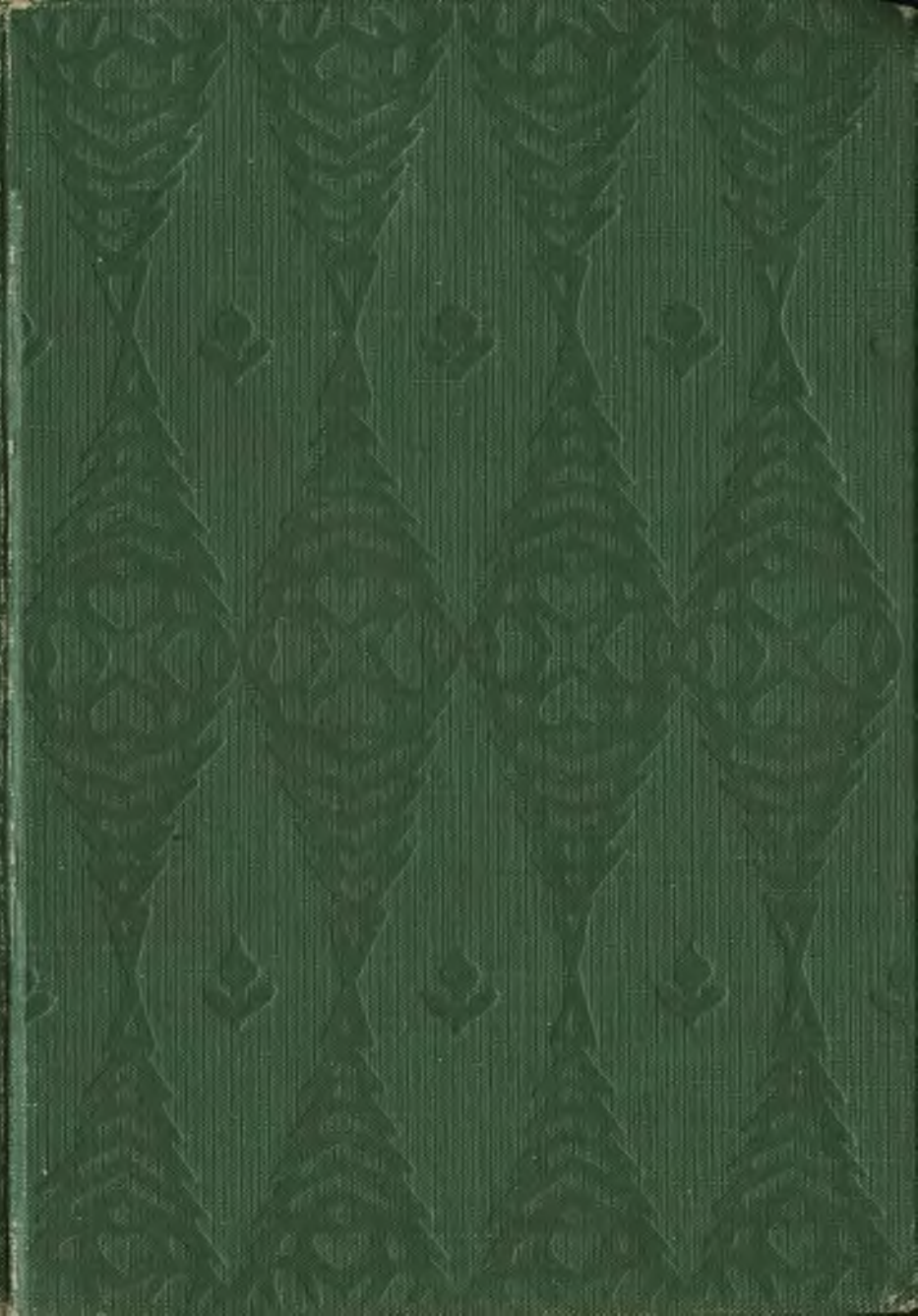

БИБЛИОТЕКА

БАРНИ И МУЖИК

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

«А С А Д Е М И А»
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

БАРИН и МУЖИК

Редакция и предисловие
Ю. М. СОКОЛОВА

«А С А Д Е М И А»

1 9 3 2

*Рисунки и супер-обложка —
гравюры на линолеуме рабо-
ты художника Староносова,
рисунок переплета его же.*

СКАЗКИ О БАРАХ

Вслед за сборником сказок, названным нами „Поп и мужик“, мы предлагаем читателю аналогичную книжку под заглавием „Барин и мужик“. Таким образом мы стремимся осуществить задуманную нами серию русских сказок, имеющих социально-сатирическую направленность.

Цель данного сборника, как и всей серии, показать, что сказочное творчество никогда не оставалось аполитичным, что, наоборот, оно ярко выражало чаяния и стремления народных (главным образом крестьянских) масс, было одним из орудий ожесточенной классовой борьбы, что оно в известной мере организовывало общественное мнение трудовой, преимущественно крестьянской, среды. Другими словами — устное сказочное творчество выполняло те же функции, какие выполняет и литература, являясь одновременно и фактом и фактором общественной жизни.

Крестьянские сказки о барах — художественные произведения. И, следовательно, подход к ним методологически должен быть таким же, как и к произведениям художественной литературы, с учетом своеобразия устно повествовательного материала.

Сказки являются отражением действительности, поэтому имеют бесспорное познавательное значение, но они, как и всякое художественное произведение, отражают эту дей-

ствительность под определенным классовым углом зрения. Они передают, при этом с большой долей непосредственности, характерное отношение подневольных крестьянских масс к своему классу-антагонисту — помещикам-дворянам, специфическую направленность классовых мыслей и чувств, выводов и надежд, те классовые тенденции, которые были присущи в дореформенной России крестьянству в сфере его отношений к помещичьему классу.

Сказки о барах вместе с тем с убедительностью показывают нам, что произведения художественного творчества являются не только средством классового познания действительности, а и средством познания в целях актуальной классовой борьбы. Крестьянские сказки о барах не только раскрывают нам многие стороны реальной жизни, картину социальных взаимоотношений и столкновений, классовый антагонизм, но вместе с тем служат заострением социальных коллизий, смеются и издеваются над врагом, бичуют и клеймят его, одобряют борьбу с ним и всей сущностью своею поддерживают пламя этой классовой борьбы.

Сказки о барах, набираемые нами из разных сборников XIX и XX вв., представляют, несомненно, крупный исторический интерес, так как служат показательными документами, ярко передающими высказывания крестьянства на темы о социальном антагонизме в эпоху крепостного права.

Вне всякого сомнения, сказки о барах должны иметь и большое воспитательное значение, — они должны изучаться на уроках литературы и обществоведения в школе, так как дают иной раз возможность более отчетливого и конкретного представления о классовой борьбе в эпоху крепостничества, чем даже высокохудожественные произведения классиков дворянской литературы. Между тем до сих пор наша школа дает художественно-познавательный материал по вопросам классовой борьбы в XVIII—XIX вв. несколько односторонний — произведения авторов-

помещиков (Новиков, Фон-Визин, Пушкин, Тургенев, Григорович и т. д.). Крестьянский же художественный материал в школьной практике почти совсем не привлекается. В этом нельзя не видеть одного из проявлений нежелательной традиции дореволюционной школы, почти начисто игнорировавшей этот материал крестьянских высказываний.

Подобно тому как мы говорили по поводу сказок о попах, нужно заметить и по поводу сказок о барах, что мы располагаем материалом, значительно меньшим, чем это было в свое время в реальной действительности. Причин этому несколько. Одна из них—и притом, думается, главная—классовый состав собирателей сказок в ту эпоху, когда сатирические сказки о барах должны были быть особенно актуальны, т. е. в первой половине и в середине XIX в. Собиратель, дворянин-помещик, как бы либерален он ни был, естественно, не мог сам с нарочитым интересом относиться к собиранию мужицких сказок о барах-помещиках, а с другой стороны, и крестьянин-сказочник не имел, надо полагать, также большого желания рассказывать собирателю-помещику сказки с подчеркнутой классовой противодворянской тенденцией.

Надо также принять во внимание, что научные теории об устной поэзии, соответствовавшие классовой идеологии исследователей и собирателей середины XIX в., направляли научную мысль в область глубокой праславянской или праиндоевропейской старины, уводили от наблюдений над реальной социальной действительностью и от ее анализа.

На первом месте у собирателей фольклора стоял интерес к остаткам религиозной древности, к мифологии, к легендам и сказкам фантастическим или волшебным. Реально-бытовому, а тем более сатирическому элементу отводилось третьестепенное место. Это легко видеть даже при беглом перелистывании самого основного сборника—знаменитых „Русских народных сказок“ Афанасьева. Вначале приводятся сказки о животных, затем—сказки чудес-

ные, и лишь к концу сборника—сказки реально-бытовые, сатирические и анекдотические. При этом в последних если и встречаются сказки о барах и попах, то они тонут в общей массе сатирических анекдотов и сказок социально-нейтрального характера. Исключение делается лишь для сатирических и анекдотических сказок, окрашенных шовинистически и направленных против других национальностей (евреев, цыган, немцев, поляков и т. д.). Объяснение этому — опять-таки в условиях классовой действительности: как сами собиратели, так и правительственная цензура с большой охотой подменяли вопросы классовых противоречий темами национальной вражды, сознательно к тому же разжигавшейся в массах.

Вследствие такого подхода собирателей—действовавших ли по убеждению или принужденных сообразовываться с цензурными условиями — сказывается одна любопытная особенность в распределении сказочного материала по географическим областям прежней России. При просмотре академических сказочных сборников с целью выудить оттуда материал по классовой сатире внимание невольно приковывается к тому несомненному факту, что сказок на тему о барах в украинских и белорусских сборниках значительно больше, чем в сборниках русских. При недостаточно критическом подходе к этому факту можно, пожалуй, сделать вывод о большей заостренности классовой борьбы у украинского и белорусского крестьянства, о большей ее осознанности в сравнении с характером классовой борьбы русских крестьян. В действительности такой вывод был бы поспешен и не соответствовал бы реальности.

Почему же сатирических сказок о барах больше в украинских и белорусских сборниках, чем в русских? Дело в том, что украинские и белорусские сказки о барах говорят о „панах“, т. е. в качестве яркого представителя дворянства в них вырисовывается образ помещика-п о л я к а.

А это уже было более приемлемо для царской цензуры,— под шовинистическим налетом как бы стусывалась классовая сторона сатирической сказки. То же мы наблюдаем и в отношении сатирических сказок о попах; выпады против ксендзов в глазах цензуры были значительно более допустимы, чем совершенно аналогичные выпады против православного духовенства. Вот почему нельзя без соответствующей осторожности принимать за отражение подлинного положения вещей результаты статистического подсчета сказок о барах и попах в различных областях бывшей Российской империи. Многое зависело от политических весьма сложных условий общественной жизни, отражавшихся и на науке об устном поэтическом творчестве.

Нельзя, например, также не обратить внимания на тот любопытный факт, что наибольшее число русских сказок о барах записано в северных районах (в бывших Архангельской, Олонецкой, Вологодской, Новгородской губерниях), где крепостного права или совсем не существовало или оно существовало в значительно более мягких формах, чем в районах центральных или южных. Нечерноземная полоса, районы потребляющие, а не производящие, следовательно, те, где крестьянство было или государственным или же преимущественно оброчным, дали большее количество записей противобарских сказок, чем районы черноземные, где барщинная эксплуатация крестьянства достигала высших степеней. Факт этот ни в коем случае нельзя истолковывать так, что будто бы в черноземных областях классовая крестьянская сатира и в действительности была развита меньше, чем в областях более северных, или что, может быть, наиболее сильный гнет помещичьей эксплуатации убивал возможность выражать крестьянскую классовую самооборону и борьбу в поэтическом слове. Скорее всего этот факт следует объяснить наличием большего числа вообще фольклористических работ на севере, чем в центре и на юге, чему опять-таки были свои при-

чины, коренившиеся в определенной классовой природе дореволюционной науки: дворянская фольклористика искала на далеком севере следов древнейшей „национальной“ культуры, народническая разночинческая наука второй половины XIX и начала XX века искала на севере наиболее стойкие образцы патриархального мирского и общинного уклада, определяемого „властью земли“, не тронутого „гибельным воздействием капитализма“. Однoboкие подходы к собиранию и к изучению фольклора, пренебрежительное отношение к фольклору, подпавшему под воздействие городской, а тем более фабрично-заводской культуры, препятствовали систематическому собиранию материала по всей русской территории и ограничивали его отдаленным севером.

Все это вместе взятое привело к явной недостаточности нужного нам материала. Многие уже безвозвратно погибли, но многие могут еще быть спасены для истории устного поэтического творчества, если бы только удалось наладить систематическое собирание по определенному, заранее выработанному плану. Это, правда, не будет материал, непосредственно передающий поэтическое творчество тех крестьянских поколений, которые на себе испытали всю тяжесть экономического и правового гнета крепостничества, но все же и в передаче внуков и правнуков основной характер классовой сатиры должен будет сохраниться.

В предлагаемом нами сборнике, думается, около половины сказок дано уже в более поздних записях, а не от современников крепостной эпохи. Тем не менее они, по традиции, в основном воспроизводят сказки отцов и дедов. Но все же известную поправку на новое время, на большее классовое самосознание приходится делать. Так, например, очень остро звучит сказка „Барин и плотник“, записанная в 1908 г. Н. Е. Ончуковым в г. Повенце бывш. Олонеккой губ. от плотника, рассказывавшего сказки своим товарищам по рабочей артели. Сравнивая данный текст

сказки с целым рядом других ее вариантов (сюжет о том, как мужик отплатил барину за его грубость и жестокость, очень распространен в русском сказочном репертуаре), видишь, что мы здесь имеем дело уже со значительно более высоким уровнем классового сознания, чем во многих других пересказах. Здесь весьма характерно трижды повторяемое восклицание плотника по адресу барина: „Ну, барин, помни, смотри, что нельзя напрасно обижать мастерового человека“. Здесь нельзя не усмотреть явного воздействия пролетарской идеологии на самосознание сезонника-рабочего из крестьян.

В огромном же большинстве сказок о барах мы видим выражение взглядов и настроений, характерных для крестьянства еще не только дореволюционной, но и дореформенной эпохи.

Так как большинство рассказов взято нами из академических сборников, преследовавших специально фольклористические, а также диалектологические цели (особенно нужно это подчеркнуть в отношении сборников XX в.), то язык сказок вполне соответствует живой речи сказочников¹. Однако нельзя не отметить некоторых черточек, опять-таки подтверждающих высказанную нами мысль о необходимости постоянного учета классовой природы самой фольклористической науки прошлого времени. Если язык сказок почти не подправлялся (во всяком случае сознательно) собирателями или редакторами научных сборников, то все же некоторые изменения сказывались, например, хотя бы на заглавиях иных сказок. Так, известная и очень острая сказка о том, как умный мужик высмеял непроходимую глупость барыни и барина, у Афанасьева (№ 220) озаглавлена „Вороватый мужик“. В этом загла-

---

¹ Как в сборнике „Поп и мужик“, украинские и белорусские тексты даются нами в, насколько возможно, точном русском переводе.

вию—данном ли Афанасьевым ради цензуры, сохраненном ли от того собирателя, записью которого воспользовался для своего издания Афанасьев, — явно видно нарочитое перемещение внимания с основного антидворянского смысла сказки и сознательное снижение образа мужика, — суть сказки не в вороватости мужика, а в злом осмеянии барской дурости.

В предлагаемом сборнике, как легко убедиться из его даже беглого просмотра, объединены под ходячим термином „сказка“ довольно разнообразные устные повествовательные жанры. Здесь мы встретим в большинстве реально-сатирическую бытовую сказку, в значительном количестве сказки анекдотические или даже просто анекдоты. Преобладание этих двух разделов устной повествовательной литературы вполне понятно, так как вытекает из самой задачи, которая составителем была поставлена сборнику: дать произведения, отражающие классовую боевую направленность, и, естественно, на первом месте должна была стать сатира. Но классовая направленность в устной повествовательной крестьянской литературе выражалась не только в сатирических и анекдотических сказках, — она нашла себе выражение, правда, с особыми оттенками мысли и чувства, в других повествовательных жанрах, как, например, в фантастических сказках („Чудесный боченок“, примененная к теме о барах вариация сказочного сюжета о Марке богатом—„Барин и нищий“), в легендах (Как Егорий ко Христу ходил“, „Как на том свете“, работник скупого барина вызволял“. Великий грешник“), в преданиях („Разбойник Тришка Сибиряк“), в рассказах бытового характера („О барах“, „Жалостливая барыня“ и т. д.).

Распределению материала по основным темам, а не по жанрам, мы отдали предпочтение по вполне понятной причине: мы стремились отобразить в сборнике прежде всего те черты, которые подмечались и сатирически выделялись в облике дворян-помещиков крестьянскими рассказчиками

Вопросы формально литературного порядка, как и вопрос о более строгом разграничении поэтических жанров, нами сознательно не выдвигались, так как это отвело бы нас от основной задачи сборника и заставило бы погрузиться в теоретически еще весьма слабо разработанную область фольклористики ¹.

Нельзя однако не отметить, что некоторые темы обнаруживают тяготение к определенным жанрам. Так, например, легендарную форму принимают преимущественно рассказы на тему о барской жадности, о контрасте между барским богатством и мужицкой бедностью, о несправедливом распределении между разными классами имущественных благ. Темы же о барской глупости, естественно, тяготеют к анекдотической интерпретации. Рассказы типа преданий и биографических повествований мы встретим в разделе, объединяемом темой барской жестокости и самоуправства.

Внутренняя связь тематики с определенными формами художественной интерпретации вполне закономерна, так как тематика, конечно, представляет один из признаков жанровых различий. Но, повторяю, к сожалению, при настоящем состоянии фольклористики строгой дифференциации повествовательных жанров произвести еще нельзя. Здесь предстоит еще большая теоретическая работа. Успех ее будет зависеть при этом не столько от выяснения формальных признаков, отличающих один жанр от другого, сколько от определения различия их классовой основы.

Но и этот план работы включает в себе огромные трудности. Как мы это выяснили при анализе сказок о попах,

---

¹ О разграничении повествовательных жанров внутри общего понятия „сказка“ см. книгу С. В. Савченко — Русская народная сказка. История собирания и изучения. Киев. 1914, глава I, а также книжку Б. М. Соколова — Русский фольклор. М. 1930, вып. II, стр. 45—72.

конечно, не все сказки рассказывались и слушались различными слоями крестьянства с одинаковым интересом и настроенностью. В сказках о попах вам удалось как будто бы установить, что некоторые из них должны рассматриваться как сказки батрацкие, иные как бедняцкие, целый же ряд третьих мог иметь спрос и развитие в более широком круге крестьянства, поскольку, например, поповская скупость или поповские шашни могли вызывать сатирические отклики в разнообразнейших слоях крестьянства. В отношении сказок о барах произвести классово дифференцирующий анализ крестьянской среды значительно труднее, чем в отношении сказок о попах. Если сказки о попе и его батраке-работнике само собою выделялись в самостоятельную группу, так как зависимость батрака от попа создавала какие-то специфические признаки, отличавшие батрака от других крестьян в их отношениях к духовенству, то в сказках о барах аналогичной группы выделять не приходится, ибо в отношении барина подневольность мужицкого труда была осознаваема всеми группами помещичьего крестьянства. Есть, несомненно, сказки, создававшиеся в среде барской дворни (как, например, замечательная по своей классовой четкости сказка „Сердитая барыня“), но и эти сказки быстро должны были в деревенском быту приобретать популярность во всей крестьянской среде. Перед ненавистным лицом барина различия в настроениях между разными прослойками крестьянства и дворни) как бы стирались. И гневная легенда и злой анекдот должны были встречать сочувственный отклик у большинства и дворовых и крестьян, несмотря на различия в имущественном и правовом положениях.

Особенно приходится это подчеркнуть по отношению к первой из намечаемых в данном сборнике групп сказок именно—сказок о барской жестокости, произволе, самоуправстве, самодурстве. От этих барских пороков терпела вся дворня и вся деревня. Исключения даже

не делалось зачастую и для самого старосты. Характерно само начало упомянутой нами сказки „Сердитая барыня“, сжато, но отчетливо воссоздающее картину барской жестокости в усадьбе: „В усадьбе была барыня, и до того была сердитая, — никому житья не было. Эту староста придет утром спросить, что наряд дать какой, — она его не отпустит, так что не отхвостнет. А мужикам-то житья не было никакого: драда, как собак“. Невольно возникает хотя бы и сказочная мечта о перемене такого тягостного положения, и сказка (со „странствующим сюжетом“) эту мечту оформляет. Появляется смелый и находчивый человек (таковым в крестьянских сказках XVIII—XIX вв. обычно обрисовывался солдат, как человек бывалый) и, перенеся барыню в другую, трудовую обстановку, ее перевоспитывает, заставив испытать на самой себе, что значит тяжелый подневольный труд. Нельзя не отнестись со всей серьезностью к такой социально углубленной трактовке сказкою странствующего сюжета. Нельзя не видеть в такой сказке определенной заостренности классовой проблемы о труде. Нельзя не видеть под сказочной формой крестьянской мечты о перемене социальных отношений. Организирующая роль подобных сказок, думается мне, самоочевидна¹.

Ядом злой классовой мести наполнена сказка „Барин и собака“, записанная одною из моих слушательниц в Нижнем-Новгороде в 1916 г. от старика-рассказчика, которого я специально приглашал в аудиторию Народного университета, где вел практические занятия по фольклору. Старик-рассказчику, сказочный репертуар которого преимущественно состоял из сатирических сказок из эпохи крепостного права, доставляла, как я отчетливо помню, громад-

---

¹ Подробнее о социальном значении этой сказки см. Ю. С о к о л о в — О социологическом изучении фольклора. Журн. „Литература и марксизм“, 1928 г., кн. 2.

ное удовольствие возможность поиздеваться над бариним в отместку за его жестокое самодурство по отношению к крестьянину, нечаянно убившему бариную любимую собаку.

Совершенно незабываемы та мимика и жестикация, те рисунки иронической и саркастической интонации, при помощи которых сказочник „разыгрывал“ перед слушателями свою сказку. Вот эту сторону артистической изобразительности ни в каком случае нельзя упускать из вида, когда хочешь яснее себе представить жизнь сказки в быту. Сказка, это яркое проявление устного творчества, значительно блекнет при сухой передаче на страницах печатной книги. Никакими знаками восклицательными, вопросительными, тире и многоточиями не передать всего богатства живой, звучащей, интонационно окрашенной речи, сопровождаемой к тому же игрой жеста и мимики.

О сказке „Барин и плотник“ мы уже говорили. Мотивом отместки барину за его побои дышит и сказка „Как казак проучил барина-самоуправника“, в которой, правда, барская взбалмошность обрисована недостаточно ясно: барин по какой-то странной прихоти переодевается старым нищим, залезает под телегу на ярмарке, просит милостыню.

Повидимому, под литературным воздействием повестей о благородных разбойниках (вроде Дубровского Пушкина и, может быть, ряда лубочных переработок подобной темы) составлен рассказ „Разбойник Тришка Сибиряк“. Тем не менее не включать его в составляемый нами сборник мы не имели оснований: литературное воздействие в фольклоре было всегда очень значительно¹. Если бы на основании наличия литературных элементов—в тематике ли, в сюжетной схеме или в стиле—исключать произведения

---

¹ См., напр., только-что появившуюся статью по этому вопросу М. К. Азадовского—Сказительство и книга. Сб. „Язык и литература“, т. VIII. Л. 1932.

из „подлинно фольклорного“ материала, то мы принуждены бы были расстаться чуть ли не с доброй половиной фольклора. Предания о разбойниках всегда были очень популярными в крестьянской среде, подобно тому как и в песенном репертуаре образ разбойника был одним из любимых. Резкий антидворянский характер рассказа о Тришке Сибиряке виден хотя бы из заключительных его фраз „Никого Тришка Сибиряк не обижал крепко, разве какого барина, лихого до крестьян, что раз поучит; не послушает,—другой раз поучит; в толк не возьмет, так такому лихому под коленками жилки подрежет, „чтоб не оченно, говорит, прытко бегад!“ Вот только и всего!“ Фактической справкой звучит короткий рассказ об одном реальном факте: об убийстве крестьянами своего жестокого барина Шидловского („О барах“).

Попытку нарисовать широкое полотно барского разгульного и развратного быта представляет собою устная повесть мемуарного характера — „Жалостливая барыня“ Барыня эта не знала пределов своему самовластию и похоти, а если и была жалостлива, то не к людям, а лишь к собакам и кошкам.

Раздел сказок о барской жестокости и самодурстве заключается легендой „Великий грешник“. Грешник получает отпущение своим грехам, когда, возмущенный жестокостью войта, убивает его. Как показал недавний исследователь странствующего сюжета, легшего в основание данной легенды, проф. Н. П. Андреев¹, мотив убийства великим грешником помещика или его войта вошел в международную легенду лишь на Украине, оттуда распространившись в Белоруссию и Великороссию. Проникновение этого мотива явно обусловлено было крепостническими отношениями, существовавшими в XV—XIX вв. в России.

---

¹ N. P. A n d r e j e v—Die Legende von den zwei Erzsündern (FF Communications, № 54). Helsinki 1924.

Мотив этот был использован, как известно, Н. А. Некрасовым в качестве вставочного рассказа странника Ионушки в поэме „Кому на Руси жить хорошо“. В ответ на слова грешника о претерпеваемых им мучениях совести и о положенном ему испытании (ножом срезать многовековой дуб)—

Пан усмехнулся: „Спасения
Я уж не чаю давно!
В мире я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!“

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Грохольскому,
Нож ему в сердце вонзил!

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,—
Рухнуло древо громадное.
Это весь лес потрясло!

Рухнуло древо, скатилось
С инока бремя грехов!..
Господу богу помолимся:
Милуй нас, темных рабов.

Вторая группа сказок объединена темой барской скупости. В сказке „Барин и кучер“ рассказывается, как кучер и лакей отучили барина от привычки не брать с собой в дорогу хлеба. Герой известной сказки „Липунюшка“, чудесный мальчик с пальчик, помогающий деду работать на пашне, зло насмеялся над жадным барином, купившим его и спрятавшим в карман. Ядовито издевается крестьянский сказочник над барином, который позавидовал кузнецу и решил, что легко зарабатывать деньги кузнечным ремеслом („Барин-кузнец“). Сказка-анекдот „Как мужик с барином обедал“ построена на игре мужика барской стра-

стью до золота. Мужик принужден прибегать к различным хитростям, чтобы оберечь случайно найденные деньги от барских притязаний („Хитрый мужик“). Жадность кажется таким неизбежным барским пороком, что мужику приходится возлагать надежды на чудесную помощь то петуха („Жернов и певун“), то „чудесного боченка“, подаренного бедняку-мужику полуденным ветром. Барская скупость и жадность, боязнь расстаться со своими богатствами становятся мотивом нравоучительных легенд („Деньги“, „Барин и нищий“, „Как на свете работник скупого барина вызволял“). Свообразную бедняцкую философию развивает легенда „Как Егорий ко Христу ходил“, которая освящает право бедняка присваивать себе барское имущество и стоит в резком конфликте с обычной церковной проповедью о священном неприкосновенном праве собственности.

В сказках о барской жадности то и дело проскальзывает мысль о несправедливом распределении богатств между классами: барами и крестьянством. При этом однако, согласно мелкобуржуазной собственнической природе самого крестьянства, почти совсем отсутствует идея отрицания личной собственности как таковой. Бедный мужик мечтает о том, чтобы разбогатеть. Именно эту мечту он и воплощает в своих сказках. Сказочный герой-бедняк обычно к концу сказки добивается богатства. Борьба крестьянства с барством идет только за перераспределение богатства, а не за устранение самого принципа собственности. Приобретательский характер свойственен почти каждому крестьянскому герою сказок о барах. Это надо иметь в виду, чтобы не переоценивать идеологического значения крестьянских сказок прежнего времени.

Сказки третьего раздела—о барской спеси—носят преимущественно анекдотический характер. Мужик подметил самое чувствительное место в барской психологии и, играя барской слабостью умеет извлечь для себя пользу. Три сказки („Что на свете не бывает“, „Как парень у барина деньги выиграл“,

„Мужик и барин“) построены на одном и том же мотиве: на остроумно придуманном ответе крестьянина на вопрос, что делает на том свете отец барина: оказывается, или он за мужиковыми ребятишками постилки моет, или свиной пасет, или „сидит в котле, трубку курит, а бедный мужик дрова колет и под ним растапливает“. Ряд сказок заставляет мужика прикинуться простачком и как бы невзначай сказать барину злую неучивость, вроде: „что у барыни налице то у моей жены на заднице“ („Прыщи на женах“). Целая группа сказок мишенью своей делает обедневшего мелкого помещика, у которого, согласно пословице, „на пузе шелк, а в пузе—щелк“. Мужик не дал барину мяса. Барин нашел себе утешение в мысли, что он хотя бы и капусту, но будет вилоккой есть, а мужик пусть себе трескает мясо, как собака („Бедный барин и мужик“). Однородны по своей целеустремленности сказки „Барин-бедняк“, „В гостях и дома“ и „Один слуга у двоих господ“. Такими сказками крестьянские рассказчики как бы подтверждают пословицу: „С грошами пан, и без грошей пан, все—пан“. Довольно большое число сказок о разорившихся барах относится надо думать, уже к тому времени, когда стало сильно сказываться дворянское разорение. В то время сложилась и такая пословица: „Што это сталося с панами? Бувало, один пан едет на шести конях, а теперь шесть панов едут на одном коне“. Сила барской эксплуатации с обеднением дворянства отнюдь не снижалась, а даже возрастала.

Особый раздел составляют сказки, высмеивающие барское безделье, неумение заполнить свою бездеятельную жизнь, барские капризы и скуку. Лекарство от барской хандры и скуки крестьянин, естественно, рекомендует одно—труд. „Вот как поработаешь да долго не спишь, так и на камне заснешь, а кто ничего не делает, тот и на перине не уснет“ („Солдат и барин“). Крестьянину ясно, что „нужда учит“ („Про нужду“). Тем же нижегородским рассказчиком, что рассказывал мне сказку про „Барина и собаку“, рас-

сказана злая сказка о скучающей барыне-помещице („Барыня и дыплатки“). Эта сказка является как бы переходною к пятому и последнему (самому большому) разделу сборника—к сказкам о барской глупости.

В предыдущих разделах нашего сборника мы имели дело со сказками о барской жестокости, жадности, чванстве и бездельи, речь там шла все о свойствах барского поведения, вытекавшего из классового положения бар. Материал этих сказок взят из наблюдений над реальной жизнью господ, их столкновений с дворней и крестьянством. Популярность сказочного мотива о барской глупости следует объяснять иначе. Здесь в обрисовке глупости, как одного из характерных свойств господских, нужно видеть прежде всего стремление крестьянских рассказчиков и их слушателей унижить классового врага в одном из самых чувствительных пунктов. Барин склонен был особенно кичиться перед подвластным ему „серым мужиком“ своею образованностью, знаниями, культурой. Как раз именно это и вызывало у крестьян-рассказчиков стремление подчеркнуть в барине недомыслие, непонимание, недогадливость, простоватость и глупость. Барские причуды, капризы, самодурство еще больше убеждали крестьян в правильности их наблюдений над барским умом. Одна белорусская пословица прекрасно передает отношение крестьянства к характеру барской образованности и ума: „У панов дужа много вума, ды тольки ен николи дома не живець“. Мужичья сметка, находчивость, увертливость, здравый смысл, практичность оказываются, по сказкам, куда выше свойств барского ума. В сказках о барской глупости мы видим очень большое сходство с аналогичным мотивом в сказках о глупых попах. Как мы уже выяснили в предисловии к нашему сборнику „Поп и мужик“, мы можем в подобных сказках с особой отчетливостью наблюдать заостренность крестьянской тенденции к издевке над своим классовым врагом. Обращает на себя внимание, что некоторые сюжеты сказок о барской

и поповской глупости оказываются тождественными (например, популярные сказки о том, „как барин телился“ или „как поп телился“).

Как в сборнике „Поп и мужик“, раздел сказок о поповской глупости мы открыли сказкой довольно старой записи и восходящей, вне сомнения, к эпохе классовых столкновений XVI в.— ко времени Ивана Грозного, так и в настоящем сборнике раздел сказок о барской глупости открываем сказкой, явно восходящей к той же эпохе. Сказка о „Горшене“ передает со всею отчетливостью, как в XVI в. устная сатирическая сказка или повесть могла играть действительную агитационную роль в борьбе служилого класса, возглавлявшейся царем Иваном, с крупным боярством. Издевка над глупым боярином, разработанная каким-нибудь дворцовым бахарем, которых, как известно, в большом числе при своем дворе держал Иван Грозный, с течением времени спустилась в широкие массы населения и должна была встретить сочувствие в среде подневольного крестьянства. Что подобные сказки были в массовом употреблении уже в начале XVII столетия, свидетельствует одна запись, произведенная заезжим иностранцем, именно—английским врачом, служившим в 30-х годах при дворе царя Алексея Михайловича, Коллинсом, и сохраненная в переводе на английский язык¹. Эта сказка, озаглавленная нами „Царь-Иван и лапотник“, содержит в себе ту же тенденцию подсмеяться над богатым, но недогадливым боярином. Противобарские крестьянские сказки своими предками имели аналогичные сказки противобоярские, о чем свидетельствуют некоторые их остатки, а также наличие ряда противобоярских пословиц, вроде: „Неволя—боярский двор: ходя наешься, стоя выспишься“, или: „Земля любит навоз, конь—овес, а бояре—принос“.

---

¹ См. А. Н. Веселовский—Сказка об Иване Грозном. „Древняя и новая Россия“, 1876 г., кн. 4.

В длинном ряде сказок мужик проводит и высмеивает недогадливых бар: то уверяет повстречавшегося по дороге барина, что тот убил старуху (хотя она уже была мертва раньше,—сказка „Мертвое тело“), то уговаривает глупую барыню отпустить свинью якобы на свадьбу, то уводит у барина коней, заставив самого барина стеречь навоз, прикрытый мужиковой шапкой („Вороватый мужик“), то принуждает барина в течение нескольких часов продержаться падающую в лесу сосну („Мужик и барин“), то научает его „лошадей из тыквы высиживать“. Мужику удается издевательски уверить глупого барина, что тот действительно ночью отелился („Как барин телился“), или что овца, либо коза ловит волков („Барин и мужик“, „Коза“). Мужик барина и избивает по многу раз, заставляет таскать тяжести („Как мужик избил барина в дороге“), морит его голодом в отместку за его причуды („Барин и кучер“). Барские слуги уверяют пьяную свою госпожу, заснувшую за обедом, что она уже наелась („Барыня-пьяница“). Дворовый увозит у глупого барина барыню („Барин и Климка“). Бедный мужик хитро занимает у барина большие деньги („Как мужик учил осла говорить“). Многие сказки основаны на острой реплике, которой мужик парирует барскую издевку („Почему казак похож на барина“, „Поговорили“—сказка, являющаяся источником известной поговорки: „Что барин, то собака“, „Любопытный барин“). Сказка-анекдот „Поздравление“, основанная на невпад сказанных слов, примыкает к двум последним сказкам сборника: „Хорошо, да худо“ и „Помещик и староста“, выдержанным в плане комического разговора между бариним и старостой. Эти комические диалоги нередко равыгрывались в лицах и аналогичные им были записаны даже в качестве народных драматических сценок².

---

² См., напр., Н. Е. О н ч у к о в — Северные народные драмы. Спб. 1911.

Смысл этих балагурных, местами лишь весьма условно могущих быть названными остроумными, диалогов — в удовлетворении крестьянской жажды в издевке над классовым врагом.

Конец последней в сборнике сказки-диалога может служить эпилогом и ко всей серии сатирических сказок о „барине и мужике“. Великая тяжба между помещиками и трудовыми массами крестьянства теперь завершена. В Октябрьскую революцию пролетариат в союзе с трудовым крестьянством, под руководством большевистской партии нанес окончательный удар по помещику, начисто ликвидировав его как класс. Все развитие классовой борьбы к этому и вело. Неизбежный исход борьбы предчувствовался массами.

В сказке, записанной за год до революции, в 1916 году, барин спрашивает мужика: „Что же мне остается делать?“ Мужик без обиняков отвечает: „Да не больше, не меньше, как умирать. Да и то наша жизнь — сказка, а смерть — развязка, а гроб — коляска, и ехать не тряско“.

7. XII. 1931 г.

Юрий Соколов

БАРСКАЯ ЖЕСТОКОСТЬ

СЕРДИТАЯ БАРЫНЯ

В усадьбе была барыня, и до того была сердитая, — никому житья не было. Этта староста как придет утром спросить, что наряд дать какой, — она его не отпустит, так что не отхвостнет. А мужикам-то житья не было никакого: драла, как собак.

Солдатик проходил на побывку домой. Пришлось ему ночевать в этой усадьбе. Ему это все рассказали, а он и сказал:

— У меня есть сонных капель!

Дали ей сонных капель. Она уснула. Солдат велел лошадей запрячь. В деревне был сапожник, и до того сердит, — да-к страсть! Вот он к этому сапожнику и отправил еѹ. Сапожник не знал, шил сапоги, а он положил ее на постель, а его жену взял туды, положил на барынину кровать.

Вот сапожникова жена пробудилась, видит — дом преотличный. Сейчас служанки подбегают, подают на руки.

— Я до чего дослужила!.. Откуда что берет-ся! Это что такое?

Помылась, подали полотенце, вытерлась. Подают самовар, села она чай пить. Староста приходит на цыпочках. Она взглянула, что за мужчина.

— Вам,—говорит,— что надо?

— Я,—говорит,— барыня, к вам пришел спросить, какой наряд дадите, что работать.

Она догадалась:

— Нешто вы не знаете? Что вчера делали, то и сегодня делайте.

Староста вышел на кухню и говорит:

— Сегодня какая барыня добренная, просто от роду такая не бывала!

Ну, она живет тут месяц, и другой, и так ее расхвалили крестьяне, что честь отдать.

Вот барыня утром пробудилась и кричит:

— Слуги!

А он сидит, шьет.

— Слуги!

— Ты что, такая-сякая?

А она:

— Что такое, сволочь?

— Ах ты, стерва несчастная!

Вскочил со стула, сдернул с ноги ремень и давай её нахаживать:

— Ты нешто не знаешь своей должности? Ты должна вставать и печь затоплять.

И до того катал её, сколько ему хотелось. Потом она взмолилась. Побрела за дровами, принесла дров, затопила печь, кое-чего сварила. Ну, это время так продолжалось месяца два. А он её раза три да четыре изрядно поколотил.

Потом этот солдат дал сонных капель и переменял их.

Утром встает барыня тихонько, выходит из своей комнаты.

— Что это? Я в старом доме? Откуда я взялась?

Спросила служанок:

— Служанки, как же я сюда попала?

— Ты, барыня, нигде и не бывала.
Приснилось, знать, ей.
И с тех пор барыня мягкая-размягкая сделалась,
а швецова жена стала жить по-старому.

БАРИН И СОБАКА

Жил барин в богатом имении. Пришел к нему крестьянин по нужным делам. Стал подходить к дому, а от дому кинулась на него любимая баринова собака. Крестьянин сильно напугался. А у крестьянина была в руках палка. Когда собака бросилась на крестьянина, крестьянин с рѳзмаху ударил собаку и собаку сразу убил. Барин об этом узнал, и крестьянин сознался и просил прощения; а баринову собаку жалко. Эта собака очень хорошо его имение хранила, и барин его не мог простить и подал на крестьянина в суд.

Потом вызвали их в суд. Как судьи баринову уважали, и желали по баринову мыслѳнку судить крестьянина. Судьи предложили баринову. Судьи говорят:

— Что вы, барин, с ним желаете сделать?

Барин говорит:

— Да я вот что думаю: как у меня была собака хороша, для меня сильно дорога, мое все имение сберегала и меня спасала, так вот я желаю, чтобы он у меня был за собаку, так же жил бы на дворе и человеческим голосом чтобы не смел бы говорить ничего, а лаял бы все по-собачьи и охранял бы мне имение и спасал бы меня. А я его одену потеплее

и прикажу его кормить хорошенько; как я свою собаку любимую приказывал кормить хорошенько, и его прикажу кормить хорошенько. А он чтобы ночи не спал, все бы ночи лаял и мое именье стерег!

Судьи были согласны, а крестьянин ничего не мог и перечить, так он, крестьянин, и согласился.

Вот крестьянин и стал жить у барина на дворе и лаять по-собачьи. Крестьянин лаял хорошо, ночи не спал, по всему двору бегал, а часто у барина под окошком пошибче лаял. Барин был доволен собакой, и приказывал барин:

— Кормите собаку хорошенько.

Вот крестьянин пролаял полгода или больше, познакомился с ворами и воров научил:

— Приезжайте в такую ночь забрать ценного имения у барина, я вам тут отопру, и вы не бойтесь, хоть я и шибко буду лаять; только забирайте поскорей и уезжайте повеселей, а после вы мне дадите.

Так воры и сделали. А собака в эту ночь еще сильнее лаяла, по всему двору бегала, даже барину спать не давала, так сильно лаяла. Барин и думал:

— Хорошо собака лает. Надо ее приказать еще лучше кормить.

А когда утром слуги встали и увидели — кладовая подломана, имение украдено, доложили барину, а барин сильно на собаку осерчал, что она его имение не сохранила, и не мог ее простить и подал на собаку в суд.

Вот и вызвали судьи на суд барина и собаку. Барин и говорит:

— Вот собака мне на двор воров впустила.

А судьи-то и спрашивают:

— А что, барин, ночью-то она лаяла?

Барин говорит:

— Сильно лаяла, даже спать не давала; я думал приказать еще лучше ее кормить.

А вот судьи говорят:

— Видите, барин, в эту же ночь сильно громко собака лаяла. А вы бы, барин, должны бы выслать какую-нибудь слугу на двор поглядеть, на что так сильно собака лает. Ей ведь говорить воспрещено.

Судьи говорят:

— Мы считаем, — собака не виновата.

А барину сильно было зло на крестьянина. А по прежним-то правам барин имел посадить крестьянина в острог. Барин и думает:

— Отвезу его сам и посажу в острог при своих глазах.

Вот барин этого крестьянина и повез, а нужно было ехать до острогу верст пятьдесят. И пришлось им ехать уже вечером в лесу темном. Барин даже уже сам правил. Мужик и увидал — впереди ветром выворочена елка с корнями с большими. Корни-то кверху поднялись. Как мужичок увидал эту выкорчу, и моментально вздумал для себя удобное. Вдруг схватил за вожжи у барина и закричал:

— Тпру, тпру, тпру!

Барин сильно испугался:

— Что такое?

И мужичок испуганным голосом и говорит:

— Батюшка-барин, батюшка-барин, гляди-ка, гляди-ка: медведь на задних лапах стоит.

Тут и барин увидал. Барин сильно напугался. Барин говорит и торопится:

— Давай назад ворочай, давай назад ворочай!

А мужик говорит:

— Барин, барин, нельзя: медведь увидит, что мы его боимся, он сейчас нас догонит и сломает.

Барин говорит:

— Что же нам делать? Что же нам делать?

Мужичок и говорит:

— Барин, он очень боится собачьего лаю.

Барин закричал:

— Лай, такой-сякой!

Мужичок говорит:

— Я уж лаять не умею; и голосу у меня нет.

А мужик барина пугает:

— Барин, барин, медведь двигается ближе, ближе.

Барин видит — делать нечего, и сам залаял по-собачьи.

Мужичок говорит:

— Надо, барин, громче лаять.

Барин еще шибче залаял.

Мужичок говорит:

— Медведь боится, пятится назад.

Барин устал лаять и говорит:

— Да лай, такой-сякой!

А мужик начал лаять:

— Гам, гам!

Никак не лаётся у него, и говорит мужичок:

— Барин, барин, медведь двигается ближе, ближе!

Так барин всю ночь и пролаял. И барин весь голос свой потерял, — не может лаять.

Стало рассветать. Мужичок и говорит:

— Барин, это не медведь.

— Что же это?

— Да елку выворотило ветром. Это корни-то и торчат кверху... Я ведь знал, что не медведь.

Барин говорит:

— Ах, такой-сякой! Я тебя еще больше в остроге проморю.

Мужичок говорит:

— Что хошь делай, барин. Ты барин — собака, потому что всю ночь по-собачьи лаял.

Барин еще больше рассердился. Мужичок говорит:
— А я умел лаять еще лучше тебя. Только не хотел. А я хотел, пушай всю ночь чтобы лаял ты.

Мужичок говорит:

— Теперь я всем расскажу, что барин у меня всю ночь по-собачьи лаял! Это я его заставил лаять!

Барин еще шибче осердился на мужичка. Барину это не хотелось слуху пропускать. Барин, как ни стращал мужичка, а мужичок говорит:

— Что хошь, барин, делай, все равно расскажу.

Барин видит, дело плохо, и говорит мужичку:

— Чего тебе дать, чтобы ты не сказывал?

А мужичок говорит:

— Прости меня и не сажай в острог, да еще подари корову хорошую, да два мешка пшеницы, и пушай я дома живу. А тебя, барин, буду благодарить и хвалить; и всем буду говорить:

„Нет, барин по-собачьи не лаял!“

БАРИН И ПЛОТНИК

Шел плотник между двумя деревнями — Райковой и Адковой. Встретился ему барин приезжий из другой губернии и спрашивает:

— Ты, мужик, из какой деревни идешь?

— Из Райковой.

— А я куда еду?

— В Адкову.

— Ах ты, дурак. Ты — мужик, да из Райкова, а я — барин, да в Адкову!.. Слуги, взять его и всыпать ему хорошенько!

Лакей соскочил, схватил плотника и давай его бить; били сильно, а потом уехали.

„Ладно, — думает плотник, — не пройдет это тебе даром!“

Узнал мужик, где барин живет, и идет к нему; приходит. А барин любил строиться и строит мызу. Барин не узнал плотника и подрядил его мызу строить. Зовет его плотник в лес бревна выбирать. Барин пошел. Пришли. Плотник ходит по лесу, да обухом по деревьям постукивает, да ухо прикладывает.

— Ты что же это, как узнаешь?

— А ты обойми дерево, приложишь ухо, и ты услышишь.

— Да у меня руки не хватают.

— Ну я тебя привяжу.

Привязал плотник барина к дереву, взял вожжи и давай дуть. Дул, дул барина, еле тот жив остался. А мужик бил да приговаривал:

— Еще тебя, сукина сына, два раза взбучу: не обижай мастерового человека!

Взял барскую коляску и уехал. Барина еле живого нашли в лесу через три дня, уж при смерти был.

Хворает барин от мужицкого угощения, а плотник переделся так, что не узнать, и приходит лечить барина. Докладывают барину, что пришел лекарь. Барин обрадовался, а лекарь велел истопить баню. Пошли в баню. Помыл, потер лекарь барина и говорит:

— Ну теперь надо, барин, тебя попарить; только тебе не вытерпеть, надо тебя привязать к скамье.

Барин согласился, и опять вздул барина, да еще по голому телу хуже пришлось.

— Ну еще раз от меня тебе битому быть: не обижай мастерового человека!

Сговорился плотник с братом: велел брату прогнать мимо барского дома на барских лошадях, которых плотник угнал из лесу. Барин увидел в окно и послал всех своих слуг в погоню. Гнали, гнали слуги, вора не догнали, а пока ездили, барин был один дома, плотник пришел к барину и еще раз поколотил его:

— Ну, барин, помни смотри, что нельзя напрасно обижать мастерового человека!

На утро барин поехал в город, увидел плотника, спрашивает:

— Мужичок, ведь ты вчерашний?

— Никак нет, мне сорок пять лет, какой я вчерашний.

КАК КАЗАК ПРОУЧИЛ БАРИНА-САМОУПРАВНИКА

Высылает барин казака в дорогу за пятнадцать верст. И того казака встретил барин и спрашивает:

— Откуда ты, казак?

— Из такого-то села.

— Есть у тебя трубка?

— Нет.

— Есть табак?

— Нет.

— Есть иголка?

— Нет.

— Есть шило?

— Нет.

— А с чем же ты идешь в дорогу?

Крикнул казаков, и они дали ему пятьдесят нагаек, и теперь ему нельзя ехать на коне. Заехал в трактир, и его евреи взяли в другой покой. И тот рассказал, что его барин бил:

— Пятьдесят нагаек дал за то, что (спрашивал меня): „Есть у тебя трубка?“—(а я сказал) „Нет“.— „Есть табак?“— „Нет“.— „Есть иголка?“— „Нет“.

Вот за то и дали пятьдесят нагаек.

Евреи говорят:

— Мы тебе поможем, отдашь ему вдвое за то самое. Как поедешь назад, и покупай себе то, что он тебя спрашивал. И тот барин будет сидеть (перодетый) под повозкой, просить милостыни. Купи ж ты хлеба, сдобного и пресного, чтобы он за день не съел. Как будет класть в одну торбу все, так и бей. Но не говори, что мы тебя научили.

Купил он всего, и хлеба. Идет он с этим хлебом, и дает тому барину, а барин кладет в одну торбу сдобный и пресный. И говорит казак:

— Ты, дед, несправедливо поступаешь, — кладешь все в одну торбу.

И дал он тогда ему все пятьдесят нагаек и еще проценту. И тот дед рассердился и послал вдогонку за ним казаков. Те догнали и сказали, чтобы вернулся ко двору. Тот и вернулся. Барин спрашивает:

— Откуда ты, казак? Зачем ты нашего старца побил?

— Я за то вашего старца побил, что он несправедливый; если он бы был праведный, не клал бы хлеба постного и скоромного в одну торбу. Я, барин, ехал в дорогу, и не имел разума, и меня научил барин, и теперь мне хорошо. Раньше я не имел ни трубки ни табаку, а теперь я трубку курю. Напала кровь на коня, я шилом пробил, и конь здоровый; иголкою раны зашил. И я себе полагал дать одному бедному милостыню. И я ему дал. А он в одну торбу все положил. Я ему дал пятьдесят нагаек.

Барин спрашивает:

— А кто тебя этому научил?

— Я сам до того додумался.

Барин встает, пьют могоарыч и так разошлись. Ну, тогда барин признался, что это он сидел. А казак говорит:

— Ну, барин, если бы я это знал, то я бы тебе еще больше дал.

РАЗБОЙНИК ТРИШКА СИБИРЯК

Узнал Тришка Сибиряк: в Смоленской губернии живет барин; у этого барина его мужикам житья не было; всех в разор разорил! Прослышал про того барина Тришка Сибиряк.

„Надо,— думает,— проучить хорошего барина; без науки тому барину жить — век дураком слыть; стало, надо его на ум навести, чтобы ему на тот народ не стыдно свои очи выставить!..“

Посылает ему Тришка письмо, а в письме было написано:

„Ты, барин, может, и имеешь душу, да анафемскую; а я, Тришка, пришел к тебе повернуть тебе душу на путь, на истину. Ты своих мужиков в разор разорил, а я думаю теперь, как тех мужиков поправить. Думал я, думал, и вот что я выдумал: ты виноват, ты и в ответе будь. Ты обижал мужиков, ты их и вознагради; потому прошу тебя честию: выдай мужикам на каждый двор по пятидесяти рублей (а тогда еще на ассигнации считалось); честию прошу, не введи ты меня, барин, во грех,— рассчитайся по-божь!“

Получил барин то письмо,— не то что спокониться, а выше в гору пошел: больше озлился, стал

мужиков перебирать, стал допрашивать, кто подметное письмо принес. А мужики про то дело и не ведали... Так тому письму барин не внял, веры письму не дал. Проходит сколько там время, барин прочитал еще письмо от Тришки:

„Ты моим словам не поверил; я не люблю этого; только вот что я скажу тебе: не в моем обычае за первую вину казнить; а, по-моему, за первую вину только научить надо. Вот тебе какая наука: не хотел ты дать мужикам по пятидесяти рублей, дай по сту; это тебе наука. Только мужиков трогать не моги,— с живого кожу сниму; мужики в том не виноваты. Жду три дня“.

Прошло три дня,— барин никому ни слова: денег жаль и за мужиков приниматься боится, со шкурой своей барской расстаться не хочет; хоть и не дорого своя шкура обошлась, только эту снимут, другой не скоро и наживешь. Стало, беречь пока эту...

Пока барин раздумывал, Тришка написал еще письмо:

„Просил я тебя, барин, честию мужикам помочь тысячью,— ты не помог; просил тебя помочь двумя,— ты мои слова ни во что поставил. Теперь жди меня, Тришку, к себе в гости. А как тебе, барину, надо сготовиться, как бы лучше гостя принять, даю тебе сроку две недели,—сготовься. Только пироги, что в Туле печены, по-нашему ружьями зовут,— не надо, не готовь — я до них не охотник“.

Получил барин это письмо, стал снаряжаться, как бы гостя непрошенного принять так, чтобы самому не остаться ни при чем. Всех своих мужиков, всю дворню собрал, роздал всем ружья; послал и в город сказать: гостя, мол, жду.

К приему гостя было сготовлено все как следует; с самого раннего утра все были на ногах; на бар-

ском дворе толкотня страшная, все с ружьями, просто ко двору приступу нет!.. Перед ранним обедом пришли солдаты с офицером.

— Зачем пожаловали?— спрашивает барин у офицера.

— Так и так,— говорит офицер,— наслышаны мы, что к вам нынче обещался приехать вор Тришка Сибиряк; так из города меня с моей командой и прислали к вам на подмогу.

— Очень благодарен,— говорит барин,— хоть я и не боюсь Тришки, а все-таки народу больше— лучше. Милости просим с дорожки закусить, чем бог послал; пойдете ко мне в дом, а солдатухи ваши пусть здесь останутся, я им велю сюда вынести водки, закусить...

Пошел барин с офицером в дом, приказал подать сейчас закуску. Закусили, стали толковать о том, о сем, барин и повеселел. Выпил еще. Офицер еще прибодрился: так и сыплет про войну, где он воевал, когда, как... да на речах-то вышел такой легкий...

— Уж как я вам благодарен,— говорит барин,— как вам благодарен, и сказать нельзя! С вами я не только Тришки, а просто никого не боюсь. Что мне Тришки бояться, скажите мне?

— Разумеется,— говорит офицер,— чего бояться Тришки!

Сказал это офицер, посмотрел кругом: видит— в комнате только они вдвоем с барином сидят, а больше никого нет.

— Коли вы, барин,— говорит офицер,— не боитесь Тришки, мне и подавно его бояться нечего!..

— Отчего ж так?— спросил барин.

— Оттого так, барин, что я тот самый и есть Тришка Сибиряк; так мне самому себя бояться не приходится.

Барин так и обомлел от великой робости.

— Слушай, — сказал Тришка, а сам из кармана пистолет вынул, — слушай, просил я у тебя, барин, тысячу, не для себя просил, а просил для твоих же рабов, — ты не дал; наказал тебе: просил две тысячи, — ты и тут не восчувствовал! Теперь ты давай мне двадцать тысяч: две тысячи я отдам твоим мужикам, а остальное, что там останется, на свою братию возьму; надо что-нибудь и нам с вашей милости на водку получить. За такую науку как не взять!..

Барин стоит, только глазами хлопает: никак того дела в толк не возьмет...

— Полно, барин, глазами-то хлопать, рассчитаемся честно, да и бог с тобою и со всем; мне некогда, пора домой.

— У меня деньги, — говорит барин, как опомнился, — в другой комнате; ты здесь погоди, я тебе все сполна принесу.

— Ох, барин! молодец барин: подрастешь — плут будешь!

— Да я, право... да я, ей-богу... — забормотал барин.

— Ничего, барин, сочтемся! Ты ступай спереди, а я хоть и сзади; только знай: пальцем кивнешь, — в затылок пулю пушу. Ты делай свое дело, а я свое сделаю.

Барин пошел передом; а позади барина Тришка Сибиряк. Вышли в двери, а в другой комнате народу-то, народу! Да все с ружьями!

Перешли еще в другую комнату, — там никого нет.

Отсчитал барин денежки, ровно двадцать тысяч, отсчитал, отдал Тришке, остальные завернул и опять под замок.

— Видишь, я не в тебя, я слово держу: обещал быть у тебя в гостях, — был; дал слово взять двадцать тысяч, — взял двадцать тысяч, больше не беру; а хоть, видишь сам, и все бы отнял, нечего делать, все своими руками бы отдал. Теперь проведи ты меня хоть за версту от деревни, а там и простимся.

Барин проводил сам самолично Тришку с товарищами за ворота, а там еще версты полторы, да и раскланялся...

— Смотри ж, — на прощанье наказывает Тришка барину, — смотри ж, мужиков не обижать! Обидишь мужиков, бог тебя обидит, а то, может, и я, грешный, к тебе тогда в гости побываю!

С тех пор барин шелковый сделался! Что значит хорошая наука... много значит!

И много он учил их братию! Едет раз мужичонко с возом; а на возу было наложено, что и на хорошей лошади не свезти; а у мужичонка была лошаденка плохонькая, а еще и поклажа-то барская, с которой стороны ни поверни, все тяжело!.. Едет мужик с возом, горе мычет, а навстречу ему шестериком катит сам барин. Поровнялся барин с мужиком.

— Стой! — кричит барин, — стой, что ты тихо едешь? Отчего у тебя лошадь не везет?

Не успел барин хороший раскричаться как надо, как из-за куста вырос какой-то мужик, снял шапку, низехонько поклонился барину, да и говорит:

— Пожалуйста, барин, ваше благородие, окажи такую милость: подари ты этому мужику левую пристяжную...

— Как ты смеешь, мужик, мне это говорить, дурак! — закричал барин.

— Уж сделай милость, — пристаёт мужик, — подари мужику левую пристяжную!..

— Как ты смеешь мне это говорить! Да знаешь, что я с тобой сделаю!.. Да кто ты такой?..

— А осмелюсь вашей милости доложить: я человек небольшой, а прозываюсь Тришка Сибиряк.

Как услышал барин, что перед ним стоит Тришка Сибиряк, куда и прыть вся девалась!..

— А, — говорит, — здравствуй, Тришка! Возьми лошадь, какую хочешь; пусть мужичок доедет до дому, я и пятериком доеду, лошади ничего не делается; после только пусть приведет.

— Нет уж, барин хороший, подари, пожалуйста, мужичку совсем лошадку; а ты прикупишь еще лошадку, а то и пятериком проездишь, и пятериком тебе, чай, можно... На своих лошадях ты ездешь недалеко, а подальше, чай, на сотских!

— Изволь, Триша, изволь! Я для тебя, Триша, и совсем могу это сделать, могу и подарить!

— Только уж не изволь, барин хороший, лошадки отнимать у мужика. Не для себя прошу, прошу для твоего же здоровья: ты знаешь, может, мой обычай; не введи, для Христа, меня во грех.

— Изволь, изволь!

Припрёг мужик к возу левую пристяжную, да с крестом да молитвой благополучно и до дому доехал, да еще и после на той лошади сколько ездил...

Никого Тришка Сибиряк не обижал крепко, разве какого барина, лихого до крестьян, что раз поучит; не послушает, — другой раз поучит; в толк не возьмет, так такому лихому под коленками жилки подрежет, — „чтоб не оченно, говорит, прытко бегал!“ Вот только и всего!..

О БАРАХ

С господами было жить скверно. Еще солнце не успеет взойти, как уж под окнами ходит начальник какой-нибудь и кричит:

— Добрый день, Авдей! иди на барщину!

Еще иной раз в воскресенье звонят в церкви, а под окнами кричат:

— На барщину иди!

Так жилось за бариним Шидловским. Так за это его убили один раз на Троице. Вот как это произошло:

На Троицу он поехал в Красновку до обедни; тогда пять человек сговорились да в лесу засели и дождались там его, покуда он назад поедет. Как только он возвращался, то они выскочили из леса, убили его и затащили за колоду. А лошадь его пустили. Так лошадь и пошла в село. Никто бы и не знал, да если б не лошадь. А то лошадь вбежала в село. Тогда признали, что лошадь барская, и пошли, и нашли барина за колодою. Потом узнали, кто такой убил, взяли тех людей в Сибирь копать руду в Уральских горах.

ЖАЛОСТЛИВАЯ БАРЫНЯ

Это было еще в барщину. Вы уже этого не помните, потому что тогда вы на свет-то, почай, не родились. Да и что это был за свет! Разве то свет, что десяток-другой бар да богатых людей барствовало, а наш брат-горбашник так мучался, что не рад был и жизни.

И почему только бог так создал на свете, что тот, кто живет правдой и работает, мучается, а тот, кто злом да жестокостью,— барствует? Но, может быть, бог отступился от людей и отдал их в руки бар и чертей. И чего только баре не вытворяли! Как только они не мучали людей! Как не издевались над ними! Но, может быть, вы думаете, что баре были злые, что они не имели жалости в сердце и потому так вытворяли! Нет, мои братцы! Баре были такие же люди, как мы с вами. Были жалостливы, может, больше нас, и такие добрые да ласковые, как ангелы. Но это только к своему брату, к вольному, а не к мужику. Видите, чорт, а может быть, родители им закрыли очи, затемнили разум, они не ведали и не хотели ведать, что мужик такой же человек, как и они. Но что говорить, что было тогда, если еще и теперь баре мужиков не считают за

людей и вытворяют перед людьми такое, что срам и сказать. Вытворяют и не стыдятся!

Раз, это уже была воля, ехала какая-то барыня. Приехала она с кучером в наше село на паре лошадей и заночевала у меня. Видите, тогда во всем селе только у меня была чистая хата с печью, а другие сидели еще в курниках. Заночевала барыня и спозаранку хотела ехать дальше. Но только-что заглянул в хату свет, кучер и говорит, что кони изнемогли. Что тут делать!..

Вот барыня и наняла меня, чтобы я ее свозил в один двор на своей кобылке.

Запрёг я кобылку. Выложил дробинки соломою, посадил барыню и повез. Это дело было по лету, в петровки. Вот едем мы и едем, только барыня сидит в телеге да все вертится. Может быть, в соломе было много блох. Вертелась она, вертелась, да и давай снимать с себя всю одежду. Едет барыня голая,— в чем мать родила. Только зонтиком закрывается. А навстречу идут и едут люди. Так ничего себе, барыня не стыдится людей, да все ловит блох, где попало. Ну, захотелось ей до ветру. Сказала она, чтобы я попрдержал кобылку. Я остановил. Слезла она голая с телеги, да и присела на дороге, но не может удержаться, шатается,— вот-вот упадет. Вот она и зовет меня. Подошел я. А она уцепилась за мои руки, сделала, что надо, и полезла опять на телегу. Вот ехала эта барыня не мало, целый день. И не стыдилась ни меня, ни других мужиков: она их людьми не признавала, а скотиной. А известно, скотины никто не стыдится.

Так вот я и хочу вам рассказать про одну жалостливую барыню. Какая она была ласковая да добрая.

Это, дай бог память, был себе один барин с барыней. У них детей не было. Известно, बारे... чего

они не выделявают с деревенскими девками с малолетства, чего они не испробуют! Как самые большие снохачи. А как придется жить с барыней, так и пойдет у них всякая слабость да болезни. А барыни сами норовят, как бы иметь только слабость и как бы своей красоты не испортить. Вот те бары и стали искать себе приемыша.

Жил около того села один шляхтун. У него был небольшой клочок земли, и он работал на ней, как мужик. Ну, известно, как вольному человеку, ему ничего жилось. Только дал бог ему одно несчастье: померла у него жена и оставила малого мальчонка. Похоронили жену, убивается шляхтун, выбился из сил и ума не приложит, что ему делать с маленьким дитёй. Увидела это одна молодница, а у ней как раз в то время бог взял маленькое дитя. Сжалилась над шляхтичевым мальчиком, да и взяла его кормить грудью. Выкормила она мальчишку, да и полюбила его, как своего сына.

Бегает шляхтунец по селу, играет с детьми, а тем временем помер его отец. Узнал тот барин и взял этого молодца в барский дом, чтобы не пропадало на селе вольное дитя. Тогда мальчик был уже большой, ему было не меньше 10 лет. Живет шляхтунец на барском дворе, учится вместе с барскими детьми, но все не забывает той молодки, которая его вырастила. Не забывает своих товарищей и все бегает на село.

Вот он и вырос на барском дворе. Выучился лучше барина, и сделал барин молодого шляхтуна комиссаром и захотел отдать за него свою дочку. Но комиссар не захотел, потому что ему очень нравилась дочка той молодницы, которая его вырастила. Пронюхал про то барин и велел отдать ту девку замуж за свинопаса.

Давай тут комиссар просить барина, чтобы отдал тот эту девку ему, дает ему много денег и всю свою земельку, что от отца осталась. Но куда там! Барин и слушать не хочет,— заладил свое, так хоть кол теши у него на голове! А свинопас уже был старый, да сам такой лядащий, гуляка, пьянчужка. Говорят люди, что он пьяным так бил, так издевался над первой своей женою, что та как пошла на реку полоскать платье, так оттуда и не вернулась; никто не ведал, куды и делася. Только через день всплыла наверх, и рыбаки волоком вытянули ее на берег.

Вот и прознала та девка, что барин велит отдать ее замуж за такого лядащего человека, испугалась и со страха стала голосить и выть, точно просватанная. Видит комиссар, что ничего не выйдет, что загубят его дивчину, собрался, забрал ее, и пошли в свет, неведомо куда. Узнал барин, что нет девки и нет комиссара, и так рассердился, что и дух испустил.

Вскоре вслед за барином померла и барыня, остался только один барчук, тот самый, что учился вместе с комиссаром.

Начал барич сам управлять. Начал такое выделять, что людям житья не было! Хуже стало, чем при старом барине. Старый барин был хозяин. Он старался, как бы сделать именье лучше, чем у соседей, но рассматривал своих людей как скотину, как известно, считал людей своим добром. А молодой барин не глядел на хозяйство, а думал о том, как бы пожить послаще; и начал сгонять он в барский дом гожих девок да молодежи, велел им скидать всю одежду да голым гулять по саду. А сам созывал к себе соседних бар и всяких полупанков, бегал за девками с арапником в руках и как сам вытворял, что хотел, так и другие господа.

Но надоели ему деревенские девчата и молодницы, и давай он тогда приводить разных бар. Все покои запоганил.

Известно, без господина все хозяйство обнищало. Оно и при старом барине держалось только комиссаром. Молодой же барин сделал комиссаром своего кучера. Этого кучера барин полюбил за то, что тот раз при гостях справился с двенадцатью девками, да сказал, что все ему не довольно. Кучер так начал управлять, что скоро у барина ничего не осталось. Видит он, что совсем промотался, вот и давай искать богатую жену.

По соседству жил там очень богатый барин, у него была только одна дочка; а правду говорят люди, что коли едначка, то курва или лайдачка. Так и та барышня. Выростала она в роскоши, никакой работы не знала. Вот как выросла, так и почала вытворять такое, что стыдно и сказать! Но все равно отец думал, что красивей и лучше его дочери и нет никого на свете. Почали баре свататься. Известно, у богатой барышни всегда находится много женихов! Но куда там! — барин думает, что ее возьмет князь.

Тем временем женихи все ездят к этой барышне, но ничего не могут добиться... Вот наслышался тот барин, да и поехал свататься к барышне. Барышня и решилась выйти за него замуж. Рада барышня, зовет к себе барина каждый день. Ездит он к барышне почти что каждый день. Вот уже пора делать и свадьбу, но отец не хочет за голыша отдавать своей дочери. А барышня хочет того барина, как живой воды.

Видит барин, что ничего не может сделать с шальной дочкой, справил свадьбу, отдал зятю деньги, а сам поехал в Варшаву да там и пропал.

Живет молодой барин с женкой. Вот пожил он года три с нею, да и сдырнулся. Вот тут и начала та барыня сама управлять имением.

В то время у комиссара померла та женка, которую он взял в этом селе, оставила она ему двух малых деток. Думал, думал комиссар, что ему делать, да и вернулся в свой хутор. Узнала барыня, что вернулся комиссар, который хорошо управлял имением при старом барине, и стала его просить, чтобы он у ней стал комиссаром. Подумал он и согласился.

Приехал он во двор к барыне, да и входит в покои.

Видит он, что полны покои гостей, всё господа и барышни. Все поскидали одежду, расплели косы, да все так голые и ходят по pokojам. Вот пошел комиссар дальше, искать барыню. Сунулся он в другую комнату, а там целая череда голых молодцов, а между них трется и сама барыня, визжит, смеется, бегаёт за теми мужчинами, до норовит им нажечь крапивою скромные места. Увидел то комиссар, плюнул и пошел вон. Барыня за ним. Просит, умоляет, чтобы остался.— Это же, — говорит она, — мои именины!

Остался комиссар и начал ходить с барыней по всем pokojам. В то время баре сошлись с барышнями да с барынями да и начали рыготать да бегать по всем pokojам, как лошади. Чего они только не вытворяли!

Но вот повела барыня комиссара в сад. А туда она велела согнать с села молодых мужчин, да женок, да девок, напоила их водкой, наняла музыку и устроила забаву. Понапились все. Сначала они скакали да распевали песни, а потом поскидали одежду, и давай господа бегать по саду да валяться в кустах да по траве. Тогда господа и барышни выбежали

из покоя в сад и смешались с мужиками и мужичками. Говорят, что для этого дела мужики смачней.

Ночка была летняя, теплая, аж парило. Ну и дал уже бог день, солнышко поднялось высоко, а в саду еще не все затихло.

И начал комиссар с того времени оглядывать хозяйство. Но куда ни взглянет, все не по-людски: поле не засеяно, сенокос запущен, луг зарос низкой лозой и мелкой порослью, постройка осунулась, стены покривились, стрехи погнили, так что ветер поддирал. Только дребы торчат, как кости дохлого коня. Скотина извелась, у коней только кожа да кости. Мужики обеднели, пухнут от голоду, нельзя хлеба наработать: барыня сгоняет каждый день на барский двор.

Тут она велела строить хоромы и приютить котов, собак и старых лошадей. Она, видите ли, очень жалостлива была к этим животным. Она отовсюду насбирала коп пять всяких котов,— сама не доест, а их накормит. Насбирала бродяжных собак, кормит их, моет, чешет и обшивает. Целые дни смотрит за этой поганью сама и мучает на том деле всех баб. А клячам так она построила стойло, приставила к этой падали людей и велела прислуживать, а как сдохнет конь, собака или кляча, так барыня плачет, как об родном отце, велит плакать и другим, а потом делает гроб, хоронит, как людей, и над могилой кладет памятник. Вся дворня да и все село работали только на эту пакость.

А барыня была такая жалостливая, такая жалостливая к котам да собакам, что, бывало, с молодиц да с девок шкуру сдирала, если они нехорошо доглядывали за животными. Очень она била тех молодиц, которые баловали своих детей и украдкой кормили их своими грудями, а не котов или собак, как велела барыня.

Вот какая жалостливая была та барыня!

Но говорят, что забежал в тот двор бешеный кот и покусал других котов и собак. Прошел месяц, и взбесились коты и собаки. Вот так напали они на ту барыню, да и загрызли ее насмерть. Стали люди убивать ту паскуду, но все-таки много и людей взбесилось.

ВЕЛИКИЙ ГРЕШНИК

Слышала я от старых людей,— а они лгать не будут,— значит, правда была.

Жил на свете большой грешник, что не было того греха, чтоб он не согрешил. Такой был злодей, какого и свет не видел: он и крал, и разбои чинил, губил людей без покаяния. Совсем бога забыл, чорту душу продал: колдовал, когда крал, оборачивался волколаком, пушал моровые поветрия, и не было числа его грехам.

Пришлось ему помирать. Тут такой страх его охватил, что не могла его душа покинуть тела. Нет ему смерти, да и все тут. Вспомнил он бога — захотел поисповедываться, душу очистить. Сколько ни приводили к нему попов, ксендзов,— как расскажет им свои грехи, не дают отпущения, такой он был грешник. А смерть не приходит. А душа его мучается, с телом не может разлучиться. Роздал он свое богатство убогим и пошел по свету искать такого угодника, чтобы замолил его грехи, разлучил душу с телом. Идет, расспрашивает... .

Посоветовали ему люди навеститься к одному пустыннику, что целую жизнь жил в пуще, постился — ел только хлеб с водою, молился — душу спасал и

угоден был богу. И пошел он к нему. Приходит.

— Так и так,— говорит,— я очень большой грешник, спаси меня,— говорит,— исповедуй! Ты угоден богу, можешь отпустить мои грехи.

Стал исповедываться. Выслушал его тут пустынный и говорит;

— Ты такой грешник, что тебя смерть не возьмет, земля не примет, покуда ты свои грехи на этом свете не откупишь. Покуда ты не сделаешь столько добра, чтобы оно грехи твои перевесило. А дотоль ты будешь мучиться на этом свете.

И пошел тот грешник заслуживать спасение. Ходил он на богомолье, ходил на коленях, морил голодом свое тело, нанимался к сердитым господам на работу, чтобы его били, ложился за других под розги, прислуживал больным и убогим,— смерть не приходит. Хотел на себя руки наложить,— топился, вешался, резался,— все нет смерти. Только задаром муки принимал. И так прошло много лет. Раз идет он полем, идет и проклиная свою долю,— взяла его злость, что нет ему смерти.

„Доколе я буду мучаться?“— думает он себе.

А был первый день пасхи. Идет он и видит: много народу на поле пашут, боронуют.

„Что ж бы это значило?“— думает он.— Первый день пасхи, такой праздник, что и пташки празднуют, гнезд не вьют, а тут народ крещеный трудится“.

Подходит ближе, видит — войт похаживает между работниками, кричит и арапником их подгоняет. Те плачут, жалятся:

— Что это,— говорят,— ты надсмегаешься над нами. Нет у тебя, что ли, бога в сердце? Бьешь нас, мучаешь в будни и в праздник не даешь отдыха. На вот, сегодня, на пасху, выгнал на пригон.

А войт ревет, как бешеный, лупит арапником.

Глядел, глядел тот грешник:

„Вот,— думает,— окаянный! Не лучше меня. Подумать это, как он народ бьет!“

Подошел он к войту и говорит:

— Что ты делаешь? За что ты людей мучаешь?

А войт, ни слова не говоря, как хлыснет его арапником по лбу. Аж искры из глаз посыпались. Озверел наш грешник, схватил камень, как пустит им в войта. И разбил ему череп. Войт и не айкнул. Скарежился.

А грешник на том месте прахом рассыпался, кончил покаяние. И пошла его душа на тот свет.

БАРСКАЯ ЖАДНОСТЬ

БАРИН И КУЧЕР

Дело было так: один барин как едет из дому очень на долгое время в дорогу, так нисколько хлеба с собой не берет. Но вот надоело кучеру и лакею часто быть голодными, так они задумали проучить барина, чтобы хлеб брать в дорогу. Взяли тайком себе хлеба из дому и уехали они дня на четыре в дорогу.

Ночевать им пришлось среди степи. Повернули они под стог сена, выпрягли лошадей и потом легли спать.

Договорились они двое — кучер с лакеем. Кучер говорит, что:

— Я поведу коней в долину, только, чтобы барин не видел, а ты, как меня не будет уж видно, закричи: „Барин, коней украли!“ Вот как ты добежишь ко мне, и наешься там около меня.

Так они и сделали.

Тот повел коней, а этот кричит:

— Барин, коней украли!

Барин тогда кричит:

— Беги скорей, догоняй их!

Побежал лакей, хорошо наелся там в долине подле кучера хлеба, потом приходит сюда к барину.

— А что? не видно лошадей?

— Нет, не видно!

Так они и простояли суток двое. Потом барин посылает лакея, не достанет ли он хлеба. Вот лакей и пошел. Видит, едет мужик на поле за снопами. Потом он и говорит тому мужику, как стал добегать до него:

— Барин послал меня за хлебом, так мы его хотим проучить, как из дому хлеб берут; так я буду к тебе подбегать, как вроде хочу отнять у тебя хлеба, а ты вилами на меня замахивайся. Как барин увидит, я и скажу, что невозможно к тебе подступиться, отнять у тебя хлеба.

Вот он приходит к барину.

— Ну что, — говорит, — как там? не отнял хлеба?

— Нет, — говорит, — чуть и меня, — говорит, — вилами не убил.

— Ну, — говорит, — если б я пошел, так я б, — говорит, — сразу отнял у него хлеб.

Вот так простояли они уже суток с трое. Уж барин насилу сидит в карете. А говорить уже голосу нет.

Ну, тогда они и договорились:

— Я пойду вроде как опять искать коней, а ты поведешь их навстречу мне, как бы вроде ты разыскал их в селе. И тогда поедем уже.

Так они и сделали.

Привели коней, запрягли их и тогда поехали. Приезжают туда, куда они думали ехать в гости. Вот лакей раньше соскочил с кареты и сказал прислугам, что вот, едучи еще дорогой, барин желал посмотреть ваше хозяйство и лошадей, и все, что есть. Тут уж барин языком повернуть не может, а слуги подхватили барина и тащат по двору, показывают ему, что у них там есть, какие лошади, скот. Потом

приводят его уже в комнату. Так он там почти ничего не мог и есть, так переголодал.

Потом поехали они домой. Так уже барин, как сядет у окна, ни одного слуги не пропустит, чтобы тот куда отлучился хоть бы на один час без хлеба, и кричит:

— Эй, ты! Хлеба-то взял с собой на дорогу?

И научили барина кучер и лакей, как хлеб брать в дорогу.

ЛИПУНЮШКА

Жил старик со старухой. У них не было детей. Вот он и говорит:

— Как быть старуха? У нас детей нет!

Вот старуха отпряла хлопочек, положила в столбочек. Вот старик поехал поле пахать, стала старуха блины печь.

— Как быть, — говорит, — некому у меня отнести старику позавтракать.

Вот из хлопочка и лезет сыночек.

— Господи Иисусе Христе, откуда это ты, сыночек, взялся?

— Да ты, матушка, отпряла хлопочек, да положила в столбочек, я там и вывелся. Дай я, — говорит, — матушка, отнесу блинов батюшке.

— Да ты не донесешь!

— Донесу, матушка, донесу!

Завязала она ему блины в узелочек, взял он и пошел.

Идет он, несет завтракать. Шумит:

— Батюшка, батюшка, пересади меня через кочку.

Вот старик тот удивился и думает:

— Откуда у меня вдруг сыночек взялся? Сынка не было, да вдруг взялся!

— Да вот, — говорит, — матушка отпряла хлопчеч, положила в столбочек, я оттуда и вывелся. Батюшка, я принес тебе завтракать. Ты садись завтракать, а я буду пахать.

— Где тебе, дитятко, пахать! У тебя силы нет!

— Ничего, — говорит, — не тяжело.

Сел старик завтракать, а мальчик пашет да песни поёт за сохою.

Едут господа и посылают человека:

— Человек, пойди узнай, что за диковина. Лошадь пашет, а никого не видать.

Подходит человек, спрашивает:

— Что у тебя, старик, одна лошадь ходит-пашет?

— Нет, — говорит, — у меня там мальчик пашет.

Приходит человек, рассказывает.

— Да что ж, — говорит, — его не видать?

— Так, — говорит, — не видать, маленькой.

Подходит барин к старику и торгует у него этого мальчика.

— Старичок, продай мальчика!

— Нет, — говорит, — мне нельзя продать мальчика, у меня у самого отроду один только и есть.

А этот мальчик потихоньку и говорит:

— Батюшка, продай. Я опять уйду от него.

Старик и говорит барину:

— Барин, что ты мне за него дашь?

— Бери сто рублей.

— Хорошо.

Барин отдал деньги, взял этого мальчика, завернул в платочек, положил в карманчик. Приезжает барин домой.

— Барыня, знаешь, какую я радость привез?

— Что такое? что такое? какую же радость?

Сама рада, раздевает своего барина. Полез он в карман, уцепился, а мальчика нет; он наложил в карман и ушел. Барин и говорит:

— Посмотри, какую он смежу сделал! Наложил и ушел!

БАРИН-КУЗНЕЦ

Барин один кузнецу позавидовал:

— Живешь ты,— говорит,— живешь, еще когда-то урожай будет и денег дождешься, а кузнец молотком постучит,— и с деньгами. Дай кузницу заведу.

Завел кузницу; лакею велел мехи раздувать. Стоит, ждет заказчиков. Едет мужик мимо, шины заказать хочет на все четыре колеса (весь стан).

— Эй, мужик, стой! Заезжай сюда!

Тот подъехал.

— Тебе что?

— Да вот, барин, шины надо на весь стан.

— Ладно, сейчас, подожди.

— А сколько будет стоить?

— Да полтора ста рублей надо бы взять, ну да чтобы народ привадить, сто всего возьму.

— Ладно.

Стал барин огонь раздувать, лакей — в мехи дуть; взял железо, давай его ковать, а ковать-то не умеет. Все сжег.

— Ну,— говорит,— мужичок, не выйдет тебе не то что весь станок, а разве один шинок.

— Ну, ладно,— говорит,— шинок, так шинок.

Ковал, ковал барин и говорит:

— Ну, мужичок, не выйдет и один шинок, а выйдет ли, нет ли сошничек.

— Ну ладно,— говорит мужичок,— хоть сошничек. Постучал барин молотком, еще железа испортил много и говорит:

— Ну, мужичок, не выйдет и сошничек, а дай бог, чтобы вышел кочедычек.

— Ну хоть кочедычек,— говорит мужик.

Только у барина и на кочедычек железа не хватило: все сжег. Поработал, поработал и говорит:

— Ну, мужичок, не выйдет и кочедычек, а выйдет один шичек (когда железо в воду раскаленное опустить, так оно шикнет).

— Ладно,— говорит мужик,— сколько же вам?

— Да ведь я тебе говорил, дурак, что сто.

— Со мной сейчас нет, я за деньгами пойду.

И ушел. А барин и говорит лакею:

— Ты, когда он придет с деньгами-то, стой да приговаривай: прибавь, мол, прибавь.

— Хорошо,— говорит.

Вот мужик захватил дома плеть, пришел в кузницу и давай барина жарить, а лакей стоит да приговаривает:

— Прибавь еще, прибавь еще!

Отжарил и ушел.

Барин накинудся на лакея:

— Что ты, подлец! Я тебе приказывал, если он денег принесет, говорить это, а ты видишь, меня бьют, а орешь: „Прибавь еще!“

Приколотил барин лакея, кузницу разломал и не стал больше братья за кузнечное ремесло да заводить кузницу.

КАК МУЖИК С БАРИНОМ ОБЕДАЛ

Один мужик с другим побились об заклад, что он пообедает с барином.

— Ну хорошо, если пообедаешь, так я тебе пару волов дам.

Приходит к барину, поклонился низко:

— Барин, я о том еще никому не говорил, а прямо к барину пришел спросить, что будет стоить вот такой слиток золота?

И показал ему на руку.

Тот ничего ему не сказал, крикнул, чтобы принесли водки. Напоили его, дают обедать. Мужик садится и обедает с барином. Барин аж горит; хоть бы дознаться, какой-такой слиток золота. Спрашивает:

— Где он лежит, чтобы его принести?

— Так что ж, барин, его у меня нет. Я спрашивал, сколько он стоил бы, если бы он у меня был.

— Вот дурень!

— Я не дурень, барин, если таким образом выиграл пару волов.

И рассказал ему, что за штука. И взял у своего товарища пару волов.

ХИТРЫЙ МУЖИЧОК

Был мужичок. А раньше у них были барские люди. Этот барин, кто может какую штуку найти, что сделать надо, неси к барину. Потом если к барину, барин наказывал своих крестьян. У них, у мужичка, дошло дело, что есть нечего. Проспал ночь. Ему приснилось:

— Иди, старичок, на такой остров, там корчага денег, достань ее. Сыт будешь от этой корчаги.

Мужичок был хитрый. Занял овсяной муки полпуда. Напек он блинов корзину. Дожили они до вечера с женой и пошли в лес. Этот старичок идет и вешает блины на елочки да на колышки. Сошли и достали они деньги. Пошли назад. Спрашивает женка:

— Для чего же блины?

А он ей и говорит:

— Сегодняшний день — блинная туча.

Потом подходят к жилу, крик в жиле шибко,— мужички выехали в поле и кричат. Женка и спрашивает:

— Что же это, мужичок, кричат в поле?

— Кричат в поле?.. Барина нашего запрягают в соху, вот он и кричит.

Пришли домой. Стал мужичок деньги расходовать, взял хлеба, накормил детей своих; ушел на работу. Женка у него пошла на беседу, в компанию свою похотела, и говорит:

— Мы,— говорит,— теперь богатые! Нашли денег много!

Некоторые товарищи взяли барину и передали, чтобы наказанье ему дал. Призывает его барин:

— Что же ты, мужичок, нашел денег много, а ко мне не отнес?

— Нет, никак нет, я не нашел денег! Кто это сказал про меня?

— Как же ты денег не нашел? Соседи про тебя говорят и женка говорит.

— Ну, прикажите мою женку, наказывайте ее там.

Призвали женку.

— Ну, как? Твой муж нашел денег?

— Нашел.

— Как же нашел?

— Вот мы, батюшка, в ту ночь и ходили, в которую блинная туча была.

Вот мужичок и сказал про нее:

— Вот без ума говорит, так поэтому нужно ее наказать.

— Нет, батюшка-барин, в то утро мы шли из лесу, когда вас в соху запрягали, вы кричали.

— Нужно бы ее убраться, она без рассудку,— барин говорит.

Муж остался прав.

ЖЕРНОВ И ПЕВУН

Жил старик со старушкой. И у них было только что имущества один жернов. Они кормились этим жерновом.

Ехал барин с кучером, услышал этот жернов, послал кучера. Он его унес. Старик и старуха посылают певунка. Певунок пошел к барину, сел на полининку и закукарекал, что:

— Барин, подайте старику да старухе жернов!

Барин приказал слуге певуна бросить в хлев, чтобы его там затоптала скотина. Окошко не закрыли, он и вылетел. Опять просит у барина, что:

— Подайте жернов!

Он приказал его зарезать и зажарить.

Потом зажарили певуна, сготовили, потом барину и подали. Барин пошел до ветру, а певунок увидел и опять зарыкал, что:

— Подайте жернов!

Барин зарыкал слуге:

— Ссеките ему голову!

Ему слуга отсек холку, и певунок полетел. И барин приказал ему отдать жернов назад.

ЧУДЕСНЫЙ БОЧЕНОК

Была у мужа жена, сердитая такая, все мужа била, за все даже. Потом она взяла лукошко, насыпала ржи.

— Ступай к мельнику, смели на муку и принеси муку домой.

Он идет из мельницы. Ветер откуда взялся, всю муку разнес в лукошке. Приходит домой без лукошка. Ну, она его бить.

— Иди, разбойник, разыскивай тот ветер самый, который муку разнес; требуй ту муку самую или деньги за муку.

Он и отправился. Ходил, ходил по лесам везде. Потом нашел фатерку, зашел в фатерку, одна старушка в фатерке.

— Что?— говорит. — Зачем ты сюда пришел?

— Вот так и так, ветер муку разнес всю, пришел разыскивать ветер, требовать у него столько же муки или деньги за муку.

Старуха и говорит:

— Ну, ладно, ветры — мои сыновья; погоди, скоро сюда прилетит полуденный ветерочек, я его спрошу.

Велела ему на печку лечь и закрыться крепко, — что как прилетит он — зазнобит. Потом вдруг стук-

нуло у крыльца, и налетел сыночек, полуденный ветерочек.

— Ну, кормилец, — говорит, — в чистом поле гуляешь, да не благополучно. Вот, — говорит, — мужик шел с мельницы, ты разнес муку всю; мужик пришел, требует столько муки или деньги за муку.

— Ну, хорошо, пускай подождет немножко.

Вот потом он приносит боченок, которые всякие кушанья дает. Он дает ему боченок, и мужик отправился домой. Ну, дорогой шел, шел, захотелось ему поесть:

— Боченок, отворись!

Сейчас выскочило два молодца:

— Что тебе угодно?

— Давай мне есть и пить!

Раскрыли столик и сейчас зачали подавать кушанье ему. Ну, потом пообедал и отправился домой к жене. Приходит домой, жена кинулась:

— Что мошенник, нашел ли ты тот ветер, что муку разнес?

Он отвечает:

— Тише, тише ори!

Потом приходит в фатеру, разделся:

— Боченок, давай нам с женой есть и пить, чтобы всего было довольно.

Оттуда и начали они подавать им всякие кушанья. Эта жена была такая затейная: что на свете спросит, подают ей все. Потом увидала вдруг, — барин едет в карете мимо окна. Муж и говорит:

— Поди, жена, останови барина, зови его обедать.

Потом выбежал тот, начал кричать:

— Барин, барин, постой-ка!

Барин остановился. Он и говорит:

— Вот,— говорит,— пожалуйста ко мне обедать жена прогнала меня со стола звать вас.

Барин воротился назад и зашел в дом. Она собрала ему обедать, и начали подавать ему кушанья, которых и вовеки не едал. Потом заметил, что они все к боченку подпадают и требуют кушанья; барин то и заметил. Потом барин, пообедавши, поблагодарил за хлеб за соль. Потом отправился и боченок захватил с собой. Они хватились,— боченка нету. После этого:

— Пошел, разбойник, к этому ветру за новым боченком!

Тот и отправился. Приходит к этой старушке:

— Что ты, зачем, мужик?

— Вот так и так.

— Я спрошу сына, как приедет.

Немного, прилетает и сам сын.

— Вот, кормилец, мужик требует такой точно боченок, какой барин украл.

— Пускай подождет.

Потом приносит боченок, такой же, как и раньше, и дает мужику. Потом тот отправился с боченком на радости, со вторым. Дорогой шел, шел, захотелось ему поесть.

— Боченок, дай мне поесть!

Выскочили два молодца,— ну его драть плетями, приговаривают:

— Жене волю не давай!

Потом кое-как проговорил;

— Боченок, запрись!

Молодцы убрались. Хотел тут его оставить боченок.

— Ну, дай, пускай жену нарядит.

Ну, приходит домой. Видит жена, что такой же боченок несет, обрадовалась.

— Давай, боченок, нам есть и пить, чтобы всего было довольно!

Потом выскочили два молодца и зачали ее плетями драть, и до той поры драли, что едва дышит. Мужик говорит:

— Запрись, боченок!

Эти молодцы убрались опять в боченок. Она хотела разбить боченок.

Мужик и говорит:

— погоди, я пойду в город с этим боченком барина разыскивать.

Она положила боченок. Муж встал поутру и пошел в город с боченком. Пробыл в городе, день ходит, и другой, и третий, барина ищет.

Глядит,—барин едет в карете. Он и закричал:

— Постой, барин!

Тот остановился.

— Не возьмешь ли мой боченок, он всю одежду дает, а я человек низкий, если одену ту одежду, скажут — ты украл; а вы люди богатые, так никто не скажет, что украли.

Потом он посадил в карету мужика. Приехали туда в дом к барину. Приходят в комнату. Барин разделся.

— Боченок, подай мне одежду!

Выскочили два молодца и зачали плетями драть.

Мужик говорит:

— Отдай боченок! Не отдашь, так задерут.

Мужик боченок взял и с двумя боченками побегал домой.

ДЕНЬГИ

Пошел дедко со внуком в лес. И накатилося облако; грянуло из облака, и вывалилась куча золота. Внучек и говорит:

— Дедушка, надо эти деньги обрать.

— Нет, не надо нам этих денег,— у нас свои есть.

Стоят кайкают.

Едет барин с двумя лакеями. Барин доехал только до этих денег, сказал:

— Стой, лакей!

Лакей остановился, и барин спросил:

— Какие это деньги, что вы не берете их?

Старик ответил:

— Не знаем, какие деньги; нам их не надо, у нас свои есть.

Барин сказал:

— Отдайте мне!

— Обирай!

Барин послал обоих лакеев собрать деньги и класть в свой экипаж. Выскочили лакеи, стали собирать деньги. Барин вышел. Обрали все деньги, поехали снова в город. Не доехали до города; лакеи разорили деньги, и согласились они убить

своего барина. И убили его, свернули в лес, проехали одну чащу и заехали на гладкий луг. Выпрягли коней, и один отправился в город за обедом и за выпивкой, а другой остался у денег. Тот купил обед и выпивку и пошел из города. И раздумался:

„Что мы напьемся вина и будем делить деньги и спроведем, может быть, промежду собой скандал, и нас могут захватить с этими деньгами, а ворочусь обратно в город и куплю яду. Напою его ядом, и останутся деньги мне одному“.

Воротился назад в город и купил яду. Пошел на свое место.

Выходит только из этой чащи на гладкий луг, а другой выстрелил из пистолета и убил его.

— Вот славно, теперь не с кем делить этих денег!

Обед остался на одного, и выпивка и деньги на одного. Начал он выпивать, взял эту самую бутылку с ядом, налил рюмку, выпил и сделался сам покоен.

Померли все трое, и никому не надо стало денег.

БАРИН И НИЩИЙ

(Марко богатый)

Были прежде барские. У него были крестьяне в обширном расстоянии,— двенадцать верст от него. На которую квартиру он приставал прежде, выпросился один старичок ночевать, хотя хозяин его и не пускал. Барин поздоровался с хозяином, окинул глазами по избе и увидел старичка на печке.

— Что же это у вас за ночлежник?

— А вот, господин барин, выпросился к нам один старичок переночевать. Он нам не помещает.

Попили чаю, произвели себе угощенье. Постлали ему постель в передний угол. Барин спит себе до полночи. С полночи разбужается. Захотелось ему покурить. Сел он себе на постели и стал папиросу вертеть. А на это время прилетают два ангела под окошко. Стучат под окном:

— Господи, ты здесь?

— Здесь,— говорит,— ангелы господни.

— Вот в одной деревне родила женщина пятого сына. Каким же счастьем мы его будем наделять?

— А вот мы будем наделять его такого-то барина именем, потому что он бездетошный.

Вот этому барину не заспалось, у него сердце закипело,— надо мальчика извести. Дождает он света и будит своего слугу:

— Вставай-ко, слуга, запрягай лошадей и поедем.

Запрёг ему слуга лошадей, и поехали они в эту деревню, в которой женщина родила мальчика. Приезжают они к той деревне, она сидит на печке, держит мальчика у груди.

— Продай, тётя, мальчика!

— Ах ты, доброт, где продать своего детища! Хоть пятый сын родился, а не продать!

— Да сколько бы ты за него взяла?

И так как она хотела от него деньгами отойти, спросила с него пятьсот рублей.

Он сейчас вынимает бумажники, отсчитывает пятьсот рублей. Подает бабе деньги, а берет у нее мальчика в одних пеленочках, садится на лошадей и поехали на волок двенадцать верст. Доезжают они до половины волока, барин приказал кучеру остановить лошадей.

— Неси же этого мальчика в сторону в лес и убей его в лесу.

Вот кучер взял мальчика в руки и понес в сторону. Приносит и кладет на снежок; губить ему мальчика жалко. Послышалось ему, в стороне говорят:

— Оставь мальчика живого, а ударь в пень. Из пня на тебя кровь брызнет, ты и сможешь идти к барину.

Приходит он к барину, сейчас барин и спрашивает его:

— Убил ли ты мальчика?

— Вот и кровь на мне.

— Скидывай же ты эту одежду с себя. Надень другую. Не то, пожалуй, увидят, скажут, что мы с тобой мужика убили!

Вот они сейчас переоделись и поехали вперед. Отъехали не больше как с версту, и им попался другой усадьбы барин навстречу. Тоже бездетный. Постояли они там несколько времени. Совет провели между собой, что им требуется. И разъехались.

Доехал барин другой усадьбы до этого места, где мальчика снесли в сторону. Послышалось барину, что кто-то в стороне плачет. Посылает он кучера тем же следом.

Приходит кучер в сторону, а мальчик плавает по лугу, а под ним снежок растаял, и кругом мальчика горит огонек, а он по лугу плавает, траву щиплет, ест. Кучер удивился себе — что такое?

Приходит к барину и рассказывает, что видел в стороне.

Тогда барин посылает его обратно:

— Неси мальчика сюда!

Берет он мальчика, приносит к барину. Барин завертывает его в тулуп и посылает лошадей как можно быстрее до деревни. Приезжают они в деревню и сейчас отыскали сосучью женщину, которая может покормить мальчика у груди. И попали как раз на мальчикову мать.

— Ах, тетя, покорми у меня мальчика, он поест хочет.

Тётя берет мальчика к груди и кормит его. Смотрит, как будто он мальчик ее, а только накинуться не может, что мальчик действительно ее.

Тогда барин стал звать ее в няньки с собою, чтобы мальчика воспитать до возраста лет, пока за хлеб не примется. Вот сейчас она поехала с ними. Барыня выходит встречать своего барина. Барин ей и говорит:

— Ох, барыня! Я гостинец себе привез — сына! Сейчас же барыня берет его на руки и тащит к себе в комнаты.

Стали его воспитывать. До тех пор они его воспитали, — стал он у них лет семнадцати. Выучили его грамоте хорошо. Они его почитают за родного сына, а он их за родителей.

А тот барин, который увез мальчика в лес, приехал домой, — у него жена сделалась поносная и родила она дочь.

Вот у них дочь и стала на возрасте лет. Через семнадцать лет тот барин и приехал к этому барину и спрашивает:

— Что ж у тебя жена не рождала детей, а сын такой большой?

— Да этого сына я нашел в лесу и воспитал его. Он нас теперь почитает за родителей, а мы его за родного сына.

Вот потом у этого барина сердце заболело, как бы ему погубить мальчика. Просит он у этого же барина особую комнату:

— Нужно написать мне письмо.

— А вот можете наверху, никого там нет, — можете писать.

Сходил барин, написал письмо, положил в конверт, запечатал барскою печатью, тогда спускается к барину и просит:

— Уволь ты своего сына, отправил чтобы моей жене письмо.

Приказывает своему сыну ехать к барыне с письмом.

Садится сын на коня, берет письмо в руки и поехал. Едет путем-дорогою, попадаетея ему мужичок навстречу.

— Куда, молодец, поехал?

— А поехал вот от барина к барыне, письмо повез.
— А покажи его.
— Ах, дедушка, сломаем мы печать, мне за это худо будет.

— И однако покажи, ничего не будет нам с тобою,
Раскинул полы у верхней одежды, а под низом ризы. Тогда мальчик вынимает письмо и подает ему в руки. Старичок дунул на конверт, и слетела с конверта баринова печать. Стал старичок письмо читать.

— Вот с этим письмом явился бы ты к барыне, сейчас барыня срубил бы тебе голову.

Тогда старичок на это писание дунул. Все слетело долой. Начинает он писать своей рукой. Написал и положил письмо в конверт. Дунул на конверт, — баринова печать пристала. Тогда подает мальчику письмо.

— Иди с богом, теперь тебе ничего не будет.

Приезжает мальчик к барыне, подает ей письмо. Барыня распечатала конверт, прочитала письмо. Приказывает своей дочери приготовить самоварчик, — угостить посланника чайком, а сама отправилась по своим делам.

Сходила она к священнику и к другим прочим, приводит их к себе в дом. Там стали они этого молодца насильно женить на своей дочери. И повенчали на своей дочери его.

Вдруг барин является домой, входит к барыне с дочерью и зятем, — встречают его. Барин вынимает шашку и хочет барыне голову рубить. Барыня подходит к нему с письмом.

— Барин, погоди, не руби головы моей; ты что писал, я то и исполнила. Вот извольте письмо ваше.

Берет барин письмо в руки. Начал он читать и начал волосы рвать.

— Я писал, — говорит, — одно, а у меня оказалось другое.

Выскакивает из кареты. У него был пивной завод. Он и побежал на пивной завод. Приходит и говорит своим пивоварам:

— Ну, господа пивовары, после меня кто первый придет, того едите в пепел.

Тогда сам приходит домой и посылает своего зятя.

— Ну, когда же ты стал зятем, иди на пивной завод, заведуй пивоварой.

Вот зять стал одеваться, и женка сама стала с ним справляться. Тогда барин и кричит на свою дочь:

— Тебе нужно остаться дома!

— Ах, папенька, я теперь стала не твоя, и воля не твоя. Со своим мужичком куда захочу, туда и иду!

Пошла тогда она со своим мужичком.

— Вот, мужичок, у нас есть знакомка в стороне, привернем к ней.

Привернули они к знакомке, а барину не терпится дома, как бы добежать скорее на завод, посмотреть, как зять в котле варится. Прибегает на завод; как только на порог, — его подхватили и в котел потащили. Он закричал:

— Не тот, не тот!

— А нам, — говорят, — ништо.

Вот барина в котле и сварили. Потом является баринов зять со своей женой. Как только вошли на завод, пивовары и говорят дочери бариновой:

— Ах, Машенька, мы твоего папашеньку в котле сварили.

Дочь отвечает пивоварам:

— По псе и поминки все!

Заворотилась со своим мужичком. Пошла обратно домой.

— Ах, маменька, нашего-то папеньку пивовары в котле сварили!

Барыня тоже отвечает:

— По псе и поминки все!

Призывает барыня пивоваров к себе, дарит им пивной завод и дом, а теперь забрала все именье, сколько могла увезти с собой, и переехали они к тому барину. Два-то барских именья скатились в одно место, стали они жить богато. Да в то время я у них был, пиво и вино пил, по усам текло, а в рот не попадало.

КАК НА ТОМ СВЕТЕ РАБОТНИК СКУПОГО БАРИНА ВЫЗВОЛЯЛ

Жил на белом свете, говаривали старики, какой-то барин. Кто такой, — бог его ведает, только не христианской веры. И было у этого барина поле заколдованное. Коли будешь один жать, ввек снопа одного не свяжешь, а беспрременно надо вдвоем. Приходит раз к барину один человек, поестъ просит, а барин жадный был, скупердяй, и говорит:

— Коли хошь есть, иди да и нажни сноп, а сжавши, обмолоти, тогда и ешь.

А человек-то и не ведал, что поле бариново заколдовано. Целый день жал, а снопа не нажал. Потому без подмоги. Так и лег голодный. И на другой день жнет, а снопа не нажать, хошь матушку спасительницу призывай. Видит — уже солнышко за лес закатывается, а снопа все нет.

— Свет, красное солнышко! Микола, святой ба-тюшка! Егорий-победоносец! Помогите нажать.

И на второй день лег голодный спать. А есть хоцца. И на третий день вышел человек в поле. Сжалилась над ним одна жница, порассказала чистую правду об том поле и помогла нажать сноп. И так прилюбилась человеку тая жница, стал про-

сить у барина, чтобы повенчаться дозволил. А барин кричит:

— Коли будешь у меня работником, да отслужишь верой-правдой шестнадцать лет, — отпущу бабу замуж, а не отслужишь, — ни с чем уйдешь.

Проработал работник барину верой-правдой шестнадцать лет, и жалко стало барину своей работницы, и задал он ему загадку.

— Пропаси, — говорит, — моих зайцев в лесу целый день, а к вечеру домой пригони, а ежели хоть один заяц домой не придет, то и голова у тебя сплеч.

Затужил работник, и идет он к невесте. А она ему в ответ:

— Не тужи, — говорит, — на вот тебе сопелочку: как скроется солнце, заиграй на сопелочке, зайцы-то сами и забегут во двор. А чтобы барин мне худа какого не сделал, обкрути, — говорит, — меня через левое плечо.

Взял он сопелочку, перекрутил невесту через левое плечо, и оборотилась она в кирпичину. Выпустил барин зайцев. Как выскочили зайцы, да в лес наутек. Лови их.

„Ну, — думает работник, — распропала моя бедная головушка!“

Одначе, как вечер пришел, заиграл работник в сопелочку, а зайцы построились в ряды, как будто солдаты, а работник впереди, будто командир какой. Сосчитал барин зайцев, — видит, все целы.

И загадал он вторую загадку, мудрей первой.

— Хочу, — говорит, — чтобы мост в одну ночь построить, а к утру чтоб езда была.

Больше прежнего затужил работник и опять идет к своей невесте.

— Ну, — говорит невеста, — это еще не беда, беда впереди будет! На вот тебе, — бает, — палочка

ку-татарочку: как выйдешь на речку, знай по дну стучи да кричи: „Эй, домовые, водяные и шишки лесовые, живо за работу!“ А там вот увидишь, что будет.

Оборотил невесту через правое плечо, а она решетом оборотилась, что муку сеют. Вышел он на берег, стукочет палкой-татаркой по дну да вопит:

— Эй, домовые, водяные и шишки лесовые, живо за работу!

Понаскочило домовых да лесовых: кто рубит, кто стругает, кто сваи забивает, а к утру мост готов, — возьми, да и езд.

— Ну, счастье твое, — говорит барин, — а только одну еще загадку угадай остатнюю. Сходи-ка ты, добрый молодец, на тот свет да узнай у батюшки, где он клад схоронил. Коли узнаешь, — половину клада получишь, а не узнаешь, — башка с плеч долой. А чтоб ты меня не обманул, управляющего своего дам в товарищи.

Больше других разов затужил работник и опять идет к невесте.

— Да, — говорит невеста, — эта задача тяжелее других, а только, бог даст, и состроится все. На вот тебе, — говорит, — клубочек: куда он покатится, и ты за ним иди следом; и на тебе еще платочек, передай его моей средней сестрице, в мужьях у ней светлый месяц, — може, она что поможет. А меня перекинь через голову, я в торбину с кусовьем оборочусь.

И пошел за клубочком работник. И привел его клубочек в царство пресветлого месяца. Покуль хозяина дома не было, — караулить он пошел на ночь, а женка месяцева и говорит:

— Не могу я помочь тебе, а дам я тебе клубочек да шелковый платочек, и дай ты этот плато-

чек моей старшей сестре. А в мужьях у ней красное солнце, — може, она в чем поможет.

Пришел с караула месяц, и до того он полюбил работника, и работник месяца полюбил. На другую ночь за месяца караулить на небе взялся. А месяцу-то на руку, чего ночь не поспать! Дошел до середины неба, видит—Егорий, на паству выехавши, сам в кустах спит, а конь просто пасется. Вспомянул, как его дарма просил сноп в бариновом поле нажать, думает:

— Я тебя выучу!

И давай Егория палкой кольшматить. Егорий как вдарил бежать, и коня оставил; а работник за ним. Видит—Миколай угодник куда-то идет. Он к Миколаю. Миколай от него. Подобрал подрясник, потуда его и видали; узнал работника-то Миколай. Пришедши с караулу, и рассказывает месяцу. А тот смеется.

На третий день ушел работник, и привел его клубочек в царство красного солнышка, а управляющий все с ним идет рядом да пыхтит, — толст дюже был. Вручил солнцевой жене платочек и докладывает все как есть.

— Могу, — говорит, — помочь, только надо сначала у мужика моего допытаться.

Пришло солнце, баба блинов напекла, ужинать сели.

— Могу, — говорит, — помочь, коли завтра за меня по небу походишь.

— Могу, — говорит работник.

— Только, — говорит солнце, — как дойдешь до середины неба, увидишь там стол, а на том столе кружка с водой и просвирка. Так ты, — бает, — коли ешь захочешь, половину мне оставь, не то на другой день без еды меня оставишь.

— Ладно, будь покоен, — говорит работник, — в самом аккурате будет.

А сам думает:

„Не больно-то послушался, когда я тебя просил на бариновом поле!“

Дошел до середины неба и видит все как есть: и стол, а на столе кружка с водой и просвирка. Взял да и съел все, а к вечеру домой воротился.

— Вот что, — говорит солнце, — иди ты сегодня в полночь на перекресток, схоронись за столб, а сам нишкни. И аккурат в полночь черти поедут, — кажинную у бога ночь они богачей объезжают. Как поровняются черти со столбом, выскочи из-за столба, выбей из хомута крайнего коня, а заместо его своего управляющего в хомут втисни. А там увидишь, что будет.

И вот аккурат в полночь слышит работник, как во весь дух четверка едет, а в тарантасе черти сидят, в балалайки играют, в заслонки бьют, а коней тех хлещут нещадно. И только этта поровнялись со столбом, выскочил работник, дерг крайнего коня, а черти и обпамятоваться не успели, как разом всадили в хомут управляющего. Черти погнали, а конь в баринова отца обернулся.

Плачет, кричит:

— Кажинну ночь так ездят на богачах, а приехавши, воду заставляют возить. А все из-за богатства, которое зря зарыли. Ворочайся, — бает, — живей, все мое богатство зарыто в переднем углу под киотом; а зо то, что ты освободил меня теперь от муки, возьми половину богатства.

А черти уж обратно едут. Управляющего оставили, а баринова опять впрягли.

А управляющий еле дышит.

Воротился работник к барину, а барин глазам своим не верит. Только когда клад отрыли, — поверил.

Зависть забрала барина, не хочет отдавать половину добра. А в сундуках доверху червонное золото набито. Работник говорит:

— Спроси управляющего.

— Да где ж он?

— Да глянь.

Ажно обомлел барин. Посылал жирного, с брюхом, а теперь моща-мощой.

— Вот,—говорит,—барин, один часок черти поездили, да и то высох. А каково было твоему багюшке! Ох, тяжело там скупердяям! Не тянись и отдай половину, а мне ничего не надобно, я в монастырь уйду.

Ужахнулся барин и все золото отдал своему работнику. А работник пошел в избу, перекинул через голову торбину с кусовьем, а она в бабу обратилась. А потом они обвенчались. Тут и сказке конец.

КАК ЕГОРИЙ КО ХРИСТУ ХОДИЛ

Егорий поезжает ко Христу. Мужик и говорит ему:

— Куда ты поехал?

— А к Христу.

Мужик и говорит:

— Спроси ты обо мне, чем мне житье наживать.

Дай мне стремя, вот и вспомнишь скорее.

Вот он поехал ко Христу: все переговорили, что надо. Глядь, а стремя-то и нет. Воротился.

— Мужичок заказывал спросить, чем ему житье наживать?

Приехал Егорий, мужик и спрашивает:

— Что господь сказал?

— А вот что он сказал тебе. У кого что возьмешь, назад не отдавай.

Егорий и говорит:

— Стремя-то ты мне давай.

А мужик и говорит:

— А когда я у тебя брал? Не брал!

Егорий так без стремени и уехал. Мужик едет со стремением. Господин богатый идет к нему навстречу.

— Мужичок,—говорит,—ты не сам работаешь стремя-то?

— Сам,—говорит,—работаю.
— Сделай, брат, мне,—говорит.
— Можно,—говорит,—сделать. Только надо,—говорит,—материалу взять. Надо материалу на двести рублей.

Тот двести рублей ему и подал на материал.

Вот господин увидел этого мужика через неделю.

— Что,—говорит,—сработал стремя-то?

— Не готово еще, господин. Надо еще сто рублей денег.

Вот он опять его через неделю увидел.

— Что,—говорит,—сделал стремя?

— Да какие,—говорит,—от меня стремяна?

— Да так я тебя на суд! Забрал деньги, да не сделал.

— Да кто поверит,—говорит,—что в этакой одеже задавал мне такие деньги. Кабы,—говорит,—одежа у меня была хорошая.

Тот и говорит:

— Так возьми у меня оболочи одежу. Давай мне чуйку да тулуп, садись со мной в тройку, поедем на суд.

Поехали они на суд. Барин ушел вперед в суд, а он этим наказал—кучеру и запятнику:

— Вы скажите, что мои, и кони мои. (Барин зовок был до них.) Я вас выпущу на волю.

— Можем-от,—говорят.

Мужичок и приходит в суд. Вот его и спрашивают:

— Брал ли у него денег на стремяна?

— Нет,—говорит,—я не брал. Он, пожалуй, может сказать, что я и одежу у него взял!

— Да, что ты, подлец! Одежа ведь моя.

— Пожалуй, он может сказать, что и кони, да и кучер его. Вот,—говорит,—спросите у них.

— Да что ты, подлец, ведь все мое! Господа, спросите у них.

Господа вышли—спросили:

— Чьи?—говорят.

— Мы,—говорят,—мужиковы.

Судьи говорят:

— Видно, ты с ума сошел.

Взяли барина в шею из суда выгнали.

Мужичок сошел, кучера и запятника отпустил на волю. Барина ото всего отказали.

А я на троечке домой приехал и стал жить-поживать. Вся и история.

БАРСКАЯ СПЕСЬ

ЧЕГО НА СВЕТЕ НЕ БЫВАЕТ

Жил-был барин, богатый-пребогатый. Не знал он, куда свои деньги девать. Ел-пил сладко, одевался нарядно, гостей у него каждый день столько было, что у иных по праздникам того не бывало. А все у него денег не убывало, еще прибывало.

И захотелось раз барину пошутить над мужиком-дураком, себе и гостям на потеху. Призывает он самого бедного мужика из деревни и говорит ему:

— Слушай, мужик. Дам я тебе денег целую маленку, только скажи мне, чего на свете не бывает. Нынче люди до всего дошли: и на чорте ездят, и по небу летают, и в Питер по проволоке лапти послать можно. Скажи же, — чего на свете не бывает?

Почесал мужик затылок.

— Не знаю, — говорит, — барин, кажись, взаправду все на свете бывает. Дай сроку до завтра, — может, и вздумаю.

— Ну, пойдя, подумай, — говорит барин, — а завтра приходи, ответ приноси.

Мужик до петухов не спал, все барскую загадку отгадывал. Раздумает, так и мало ли чего на свете не бывает, а и то в ум придет: „Может, это и бы-

вает, только я не знаю. Ну да ладно, скажу наудачу, авось чего и не бывает!“

На другой день пришел он к барину.

— Ну что, мужик, теперь знаешь, чего на свете не бывает?

— Одного, барин, не бывает: топором никто не подпоясывается, ног за топорище не заткнет.

Усмехнулся барин, усмехнулись и гости; видят — мужик-то сер, да ум-то у него не волк съел. Надо маленьку отмеривать. Да барин не то денег пожалел, не то хотел еще над мужиком пошутить, кто его знает, только и говорит мужику:

— Нашел, брат, что сказать. У нас подлинно этого не делают, а в чужих землях — так сплошь и рядом. Ступай с богом до завтра. Придумаешь, — ответ принеси.

Продумал мужик и другую ночь. Что ни надумает, все надежда плохая на барские деньги. „Хитры немцы, — думает, — у них, может, все бывает. Ну да скажу еще что-нибудь!“

Приходит на утро к барину.

— Ну, мужик, все ли на свете бывает?

— Не все, барин: баба попом не бывает, красная девка обедни не служит.

Усмехнулись все, только барин опять ему денег не дал.

— Нет, — говорит, — это бывает; по неметчине и все так. Поди подумай последний раз. Скажешь, бери деньги, а то не прогневайся.

Плюнул с досады мужик, идучи домой, думает: „Видно, одному только не бывать, чтобы у меня деньги были!“

Все-таки через ночь опять идет к барину. „Наскажу, — думает, — ему всякой всячины; может, что и небывальщина будет“.

— Ну, что хорошенького скажешь? — спрашивает барин. — Не узнал ли, чего на свете не бывает?

— Все, барин, бывает, — говорит мужик. — Думал я, что люди хоть на небо не попадают, а здесь сам побывал, теперь поверил, что и это бывает.

— Как же ты на небо попал?

— Покойница жена побывать наказывала, и подводу за мной выслала: двух журавлей в разнопряжку; уповодом доехали. Повидался с ней, с ребятишками, и к твоей милости воротился.

— И назад с журавлями?

— Нет, назад я соскочил.

— Как же ты, мужичок, не убился?

— А так, что по уши в землю завяз, не жестка земля попалась.

— Из земли же как вылез?

— Хе... как! а сходил домой, принес лопату, выкопался да и вылез.

— Не видал ли ты на небе покойного барина, моего родителя?

— Как же, видел, к ручке допустить изволили.

— Ну, что он там делает? — допрашивает барин.

А мужик-то не будь плох, сдогадался и говорит:

— Что покойный барин делает? Да после моих ребятишек постилки моет.

— Врешь, мужик-дурак! — закричал барин. — То-го на свете не бывает, чтобы барин у холопа нянчился! Бери деньги, да не мели околесицы!

КАК ПАРЕНЬ У БАРИНА ДЕНЬГИ ВЫИГРАЛ

Был себе барин и любил, чтобы ему люди по очереди небылицы рассказывали; и кто только скажет хотя бы одно слово правды, то получает сто батогов, а если говорит сплошь одну неправду, то сто золотых. И никто такой сказки не рассказывал, чтобы была одна брехня, а он за то людей бил.

Вот однажды должен был рассказать сказку один богатый мужик, и разгоревался, что ему будет позорно, если его будут бить. А у него был маленький сынишка, и тот сын говорит:

— Не горюй, тятя, если я пойду, то он меня бить не будет.

А отец ему говорит:

— Ну иди, сынок,

И тот пришел к барину и говорит:

— Ну, барин, я буду рассказывать сказки.

И начинает рассказывать:

— Вот, барин, как я женился, мне бог и дал через полгода крестины. Я так радуюсь! И посбирал кумовьев. Я веселюсь, а у моего отца была пасека, и пошел он посмотреть, естьли там пчелы.

Приходит к пасеке, — нет в улье пчел: волки их поразодрали. Я сразу впал в тоску и пошел по белу свету. Вот прихожу в Ручилову долину, а там баринов отец свиней пасет...

А барин тогда его в морду:

— Ай, врешь! Мой отец не пасет свиней!

И парень взял с него триста золотых и пошел домой.

МУЖИК И БАРИН

Идет бедный мужик по дороге, а барин едет на шестерке лошадей и спрашивает его:

— Откуда ты, мужик?

— А тот отвечает:

— С того света.

— А что наши там родители подельвают?

— Да что, барин! Господам везде хорошо: сидят в котлах, трубки курят, а бедный мужик дрова колет и под ними разжигает.

А барин говорит:

— Неправда, дурень!

Взял застыдился и поехал.

ПРЫЩИ НА ЖЕНАХ

У барина был любимый мужик, звали его Иваном. Вот как-то у барыни на лице выскочили прыщи. Как только пришел Иван к барину, барин ему и говорит:

— Вот, Иван, у моей жены вскочили какие-то большие прыщи на лице.

А Иван отвечает:

— Это, барин, такая сыпь. Только, как видно, что у барыни на лице, то у моей женки на заднице. Это, барин, теперь такая сыпь.

ПОЧЕМУ БАРСКАЯ СОБАКА НЕ ЕСТ САЛА

Ходил один барин на охоту с легавой собакой, совсем как полагается, а мужик еще до восхода солнца встал да, может, где десятину спахал, и взял себе еды — хлеб да сало. Вот барин подходит к нему и спрашивает:

— А что ты делаешь, человече?

— Ем, барин.

— Ешь?

— Эге. А что ты ешь?

— Что ем? Хлеб да сало.

— Сало? Да и моя собака не будет есть сала, хоть брось ей.

Мужик и вырезал кусочек сала и кинул собаке, да и любопытствует, что из того будет, а барин есть собаке не приказал. Собака смотрит на сало, а есть боится. Мужик поглядел то на барина, то на собаку, а потом скинул шапку, почесал затылок и говорит:

— Вот теперь я догадался, барин, отчего она не ест сала; вижу, что и она одной с вами породы.

БАРБОС И БАРИН

Приехал один барин в свое село. Он до этого в другом месте жил долго-долго, так что мужики не знали, что там за барин у них.

Вот и приехал, да сразу вылез из кареты и пошел в горницы, а его собака, медеянская ли, либо какая другая—с длинными ушами, осталась в карете. Вот одна баба и говорит своему мужу:

— Мужик, пойду-ка я посмотрю, что там за барин такой?

— Иди, — отвечает мужик.

Вот пошла баба на барский двор и видит, что стоит карета. Подошла к ней и дивится; подивилась и пошла себе домой. Вот и спрашивает ее мужик:

— А что, жена, видела барина?

— А как же!

— А какой он на вид?

— Да какой? Совсем как наш барбос, только уши длиннее.

„Я ДУМАЛ, ЧТО ВЫ ПТИЦА“

Приходит мужик к барину, вошел в горницу да и встал. А у барина был попугай, который только и умел говорить:

— Дурак, мужик!

Мужик стоит у порога, а попугай все кричит:

— Дурак, мужик!

А мужик все ему и кланяется, а потом говорит:

— Извините, ваше благородие, я думал, что вы птица!

ГОСПОДСКИХ ДЕТЕЙ НЕ НАКОРМИШЬ

Рассказывают, один мужик побился об заклад с баринком, что он своих собак накормит, а тот своих детей нет. Вот мужик зарезал там барана или двух и хорошо накормил собак. А барин тоже своих детей. Мужик привел своих собак к барину. Чего барин им ни кидал, — не едят. А мужик вошел в комнаты да сразу как рассыплет горсть горошин, так дети и кинулись за ними.

БЕДНЫЙ БАРИН И МУЖИК

Был бедный барин и имел одного мужика. Идет дорогою, дивится: мужик зарезал барана. Приходит домой, говорит сыну:

— Наш Иван зарезал барана. Иди к нему: пускай даст мяса. А не захочет дать, заставь его вывезти мусор на плотину.

Приходит сын к Ивану и говорит:

— Отец сказал, чтобы ты дал мяса. А не то иди возить мусор на плотину.

— Нет, — говорит мужик, — я мусор повезу, а мяса не дам.

Приходит домой баринов сын.

— А что там? — спрашивает отец.

— А что! Не хочет давать мяса, я велел ему волов запрячь.

— Ну, ничего.

Сварила баринова жена капусты, заправила яйцом, насыпала в миску, поставила для формы вилки, барин и говорит:

— Если барин, так уж барин: капусту вилами буду есть: А мужик мясо, как собака, пусть трескает!

ОДИН СЛУГА У ДВОИХ ГОСПОД

Два барина имели вдвоем одного крепостного. Вот один чего-то рассердился, взял и избил того мужика. Тот взял и пошел с жалобой к другому, говорит:

— Барин, меня барин избил!

— А, шельма он! Зачем мою половину бьет! Ложись, голубчик, я его половину отколочу за это.

Видит мужик, что беда пришла, — ложится. И тот влепил в чужую половину зада пятнадцать нагаек и говорит:

— Теперь он мою не будет бить даром!

БАРИН-БЕДНЯК

Поехал барин с кучером в дорогу. И говорит барин кучеру:

— Как мы в дороге ободрались!

— Нет, барин, мы так из дому выехали.

В ГОСТЯХ И ДОМА

Был один барин в гостях, и так хорошо там угощался, ел всякие яства, пил вина, и так нагостился, что и не почувял, как его и домой привезли.

Проснулся он да и кричит:

- Лакей, вина!
- Нету, барин.
- Ну, тогда пива!
- Нету и пива.
- Так где же я?
- Дома, барин.
- Ну, так давай воды!

БАРСКОЕ БЕЗДЕЛЬЕ

СОЛДАТ И БАРИН

Говорил барин с солдатом. Солдат стал хвалить свою шинель:

— Когда мне нужно спать, постелю я шинель, и в головах положу шинель, и накроюсь шинелью.

Барин стал просить солдата продать ему шинель. Вот они сторговались за двадцать пять рублей. Пришел барин домой и говорит жене:

— Какую я вещь-то купил! Теперь не нужно мне ни перины, ни подушек, ни одеяла; мою шинель постелить, в головах положить и накрыться шинелью.

Жена стала его бранить:

— Ну, как же ты будешь спать?

И точно, барин постелил шинель, а в головах постелить и одеться нечем; да и лежать-то на ней жестко.

Пошел барин к полковому командиру жаловаться на солдата. Командир велел фельдфебелю позвать его. Привели солдата.

— Что же ты, брат,— говорит командир,— обманул барина!

— Никак нет, ваше высокоблагородие,— сказал солдат.

Взял расстелил шинель, голову положил на рукав и накрылся полою.

Полковой командир еще наградил солдата,— дал ему на выпивку.

Вот как поработаешь да долго не спишь, так и на камне заснешь; а кто ничего не делает, тот и на перине не уснет.

ПРО НУЖДУ

Вот как бедный мужичок в худенькой своей одежке, в дрянненькой обувчонке и работает в мороз, и резко рубит,— не нагреется; лицо его от морозу разгорается. И выезжает в селенье барин, и не больше как двое, с кучером, и остановились.

— Бог помощь тебе, мужичок!

— А спасибо же, сударь.

— В какую стужу ты рубишь!

— Эх, сударь, Нужда рубит.

Барин этому делу изумился, спрашивает кучера:

— А что, кучер, какая это Нужда? Знаешь ли ты ее?

— Я только сейчас, сударь, слышу.

Спрашивает барин мужика:

— Какая же это, мужичок, Нужда? Охота бы мне ее поглядеть, где она у тебя?

Мужичок и говорит:

— На что тебе, сударь?

— Да охота мне ее поглядеть.

И в то же время на бугрине в чистом поле, в зимнем времени, как стояла со снегом былина.

— А,— сказал мужик,— а вон, сударь, на бугре Нужда стоит. Вон она как от ветру шатается, и никто не догадается.

Барин и говорит:

— Нет ли времечка тебе ее нам указать?

— Пожалуй можно, сударь.

Сели на тройку лошадей и поехали в чисто поле
Нужду глядеть.

Выехали они на бугрину и проехали эту былинку,
а другая-то дальше стоит.

И указывает мужик рукой:

— А вон, сударь, она в стороне, нам ехать нель-
зя, снег глубок.

— Покарауль-ка,— сказал барин,— наших тройку
лошадей: я схожу погляжу.

Барин слез да и пошел, а кучер-то говорит:

— Да, сударь, возьмите и меня, и мне охота
поглядеть.

— Пойдем, кучер.

И полезли по снегу два дурака. Эту былинку
пройдут, другую найдут, а еще Нужду не ви-
дят.

Вот мужичок-то был не промах, выстегнул их
тройку лошадей, сел да и полетел. Только они его
и видели. И не знают, куда уехал. Вот полазали
по снегу два дурака, тут их постигла Нужда. Обо-
ротились этим следом, на дорожку вышли, к пово-
зочке подошли, лошадушек след простыл. Думали,
думали барин с кучером... Что делать? Лошадей-то
нет, и повозку-то бросить жалко. Говорит барин
кучеру:

— Впрягайся-ка, кучер, в корень, а я хоть в при-
стёжку.

Кучер говорит:

— Нет, вы, барин, посправнее, немножко посыле-
нее; вы — в корень, я — в пристёжку.

Ну, нечего делать, запрётся барин в корень. Вот
и везут да везут, повезут да пристанут. Этот же

мужичок припрятал ихних лошадей, надел одежду другую и пошел повстречу. И говорит мужик:

— Что это вы, барин, повозку на себе везете?

Барин сердито говорит:

— Уйди, это Нужда везет.

— Какая же эта Нужда?

— Ступай вон там в поле, на бугре.

А сам везет да везет.

До села доехал, лошадей нанял. Приехал домой на троечке чужих. Нужду увидал: тройку лошадей потерял.

БАРЫНЯ И ЦЫПЛЯТКИ

Была богата усадьба. Жил барин богатый. Барин помер. Осталась одна барыня жить.

Этой барыне в одно время пришли мысли: захотелось ей, чтобы курица высидела пятьдесят цыплят, все черненьких. Да и думает барыня: „Пожалуй, этого и невозможно; пожалуй, курица не согреет яйца“.

А все-таки барыне нетерпимо хочется пятьдесят цыпляток, всех черненьких.

Прислуга заговорила:

— Да разве возможно этого?

А горничная и говорит:

— Невозможно, да хочется.

А ихний кучер и говорит:

— Скажи барыне, я могу высидеть.

Вот горничная доложила барыне, что ихний кучер может высидеть пятьдесят цыпляток. Барыня обрадовалась.

Барыня сейчас же позвала к себе кучера и говорит своему кучеру:

— Ну что, Федор, можешь высидеть пятьдесят цыпляток, всех черных?

Федор говорит:

— Могу, барыня. Только это, барыня, дорого стоит высидеть.

А барыня и говорит:

— Куда расход пойдет?

— Да вот, барыня, мне надо особенную избушку. Ну, барыня, можно занять пока баню.

Барыня согласилась, чтобы баню занять на три недели.

— И сшейте мне полушубок дубленый, из двадцати овчин чтобы был, шарф теплый купите, кушак красный и теплые сапоги. И пищу мне нужно получать хорошую: каждый день четвертную вина, яичницу, да и какая мне пища по вкусу придет. Да жареной телятины вдоволь, а если не будет хватать, то прошу добавлять. И чтобы ко мне один человек пищу носил. Да за труды мне пятьдесят рублей, барыня. И чтобы эта одежда в мою пользу поступила. Да после этого месяц на отдых меня.

Барыня на все согласна. Барыня думает: „Во что бы ни стало, чтобы высидел пятьдесят цыпленков, всех черных“. Еще думает наградить Федора.

Вот Федор и согласился. Свил себе в бане гнездышко Федор и положил пятьдесят яиц. Когда Федор все устроил, и барыню попросил посмотреть. Барыня пришла в баню, посмотрела на гнездышко, и очень рада барыня стала. А Федор не думал и сидеть, был в бане, вино да чаек попивал, да телятину поедал, да своих товарищей угощал.

А Федор все-таки не тумак, знает, как барыню обмануть. Федор, в который день показывал гнездышко, посадил обыкновенную наседку на тринадцать яиц, да даже не одну, а бог даст какая-нибудь наседка хоть два, три высидит черненьких цыпленочка. А Федор все время продолжал: пил да попивал, да телятинку поедал, да своих товарищей угощал.

Вот Федору и порции водочки не стало хватать. Барыне доложили, что порции не хватает. Барыня приказала еще четвертную ему дать каждый день,— полведра уж ему.

Вот стали три недели проходить. А бог не без милости. На Федорово счастье первая насадка высидела двух черненьких цыпленочков. Вот Федор и посылает свою служанку к барыне:

— Пойди барыне покажи да поскорее мне принеси, а то долго терпеть не могу—сердце ломит.

Вот служанка двух цыпленков взяла и барыне принесла, а барыня увидала цыплят, на весь свет обрадовалась, что Федор стал выводить цыплят. Барыня на цыплят заинтересовалась, служанка и говорит:

— Барыня, на цыплят долго любоваться нельзя! Цыплячья мать наказывала: долго не держи, скорей приноси, а то сердце очень заломит, терпеть не могу, сказал.

Вот через несколько времени:

— Дело-то я начал,— Федор говорит,— надо суметь и кончить,— сам себе думает.— Ведь всем был хорош обед, а приходится одному делать ответ, чтобы не быть Федору перед барыней негодяем.

Вот Федор своим дружкам и говорит:

— Вот вы, ребята, пили, ели, теперь меня пожалеите и сберегите. Вот вы теперь ночью баню зажгите, и меня с гнезда стащите, и из бани вытащите: хотя я буду в огонь кидаться, но меня держите за шубу, а баня шибко загорится, барыне скорей доложите.

Вот ему дружки так и сделали. Баня шибко загорелась: барыне доложили, а уж Федора из бани вытащили. И Федор кричит, как насадка:

— Клу, клу, клу!

А его дружки-слуги крепко за шубу держат. А Федор так в пламя и кидается, так и кидается, а в бане там цыплятки чикают. И барыня это все слышит. А барыня кричит:

— Боже мой, боже мой, держите, держите клуку! Видишь, как горячо материнское сердце, сама себя не жалеет, в пламя кидается.

А его друзья все держат, не пускают.

Баня сгорела, и Федорово гнездышко сгорело.

А барыня сильно горевала и тужила. Еще раз предлагала Федору высидеть пятьдесят черных цыпленочков, да Федор не взялся. И говорит Федор:

— Ведь, барыня, очень трудно высиживать.

Барыня Федору говорит:

— Да вот ты, Федор, не похудал?

Федор говорит:

— Да, не похудал, ведь я пищу хорошую получал.

А барыня все-таки в своем слове выстояла: за труды Федору пятьдесят рублей дала, и шубу теплую тоже отдала, и отдохнуть тоже целый месяц дала. А прислуга, дружки Федора благодарили, спасибо говорили за его ловкую выдумку и за его угощение.

БАРСКАЯ ГЛУПОСТЬ

ГОРШЕНЯ

Горшеня едет-дремлет с горшками. Догнал его государь Иван Васильевич.

— Мир по дороге!

Горшеня оглянулся.

— Благодарим, просим со смирением!

— Знать, вздремал?

— Вздремал, великий государь. Не бойся того, кто песни поет, а бойся того, кто дремлет.

— Экий ты смелый, Горшеня, люблю таких! Ямщик, поезжай тише. А что, Горшенюшка, давно ты этим ремеслом кормишься?

— Сызмолоду, да вот и середовой стал.

— Кормишь детей?

— Кормлю, ваше царское величество! И не пашу, и не кошу, и морозом не бьет.

— Хорошо, Горшеня. Но все-таки на свете не без худа?

— Да, ваше царское величество, на свете есть три худа.

— А какие три худа, Горшенюшка?

— Первое худо — худой шабер, а второе худо — худая жена, а третье худо — худой разум.

— А скажи мне, которое худо всех хуже?

— От худого шабра уйду, от худой жены тоже можно, как будет с детьми жить; а от худого разума не уйдешь,—все с тобой.

— Так, верно, Горшеня! Ты мозголов. Слушай,—ты для меня, а я для тебя! Прилетят гуси с Руси, перышки оциплешь, а по-правильному покинешь?

— Годится, так покину, как придет. А то и наголо.

— Ну, Горшеня, постой на час, я погляжу твою посуду.

Горшеня остановился, начал раскладывать товар. Государь стал глядеть, и показались ему три тарелочки глиняные.

— Ты наделаешь мне этаких?

— Сколько угодно вашему царскому величеству?

— Возов десяток надо.

— На много ли дашь время?

— Месяц.

— Можно и в две недели представить, и в город. Я для тебя, ты для меня!

— Спасибо, Горшенюшка.

— А ты, государь, где будешь в то время, как я представлю товар в город?

— Буду в дому у купца в гостях.

Государь приехал в город и приказал, чтобы на всех угощениях не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни медной, ни деревянной, а была вся глиняная.

Горшеня кончил заказ царский и привез товар в город. Один боярин выехал на торжище к Горшене и говорит ему:

— Бог за товаром, Горшеня!

— Просим покорно.

— Продай мне весь товар.

— Нельзя, по заказу.

— А что тебе? Ты бери деньги, не повинят из этого, коли не взял задатку под работу. Ну, что возьмешь?

— А вот что: каждую посудину насыпать полную денег.

— Полно, Горшенюшка, много!

— Ну, хорошо, одну насыпь, а две отдать,— хочешь?

И сладили.

— Ты для меня, а я для тебя!

Насыпают да высыпают; сыпали, сыпали, денег не стало, а товару еще много. Боярин, вида худо, съездил домой, привез еще денег. Опять сыплет да сыплет,— товару все много.

— Как быть, Горшенюшка?

— Ну что, не ждал? Нечего делать, я тебя уважу. Только знаешь что? Свези меня на себе до этого двора, отдам и товар и все деньги.

Боярин мялся, мялся,— жаль и денег, и себя; но делать нечего, сладили. Выпрягли лошадь, сел мужик, повез боярин. В споре дело. Горшеня запел песню, боярин везет да везет.

— До коих же мест везти тебя?

— Вот до этого двора и до этого дому.

Весело поет Горшеня, против дому он высоко поднял. Государь услышал, выбежал на крыльцо, призвал Горшеню.

— Ба! Здравствуй, Горшенюшка, с приездом!

— Благодарю, ваше царское величество.

— Да на чем ты едешь?

— На худом-то разуме, государь!

— Ну, мозголов, Горшеня! Умел товар продать. Боярин, скидай строевую одежду и сапоги, а ты, Горшеня, кафтан и разувай лапти; ты их обувай, боярин, а ты, Горшеня, надевай его строевую одеж-

ду. Умел товар продать! Не много послужил, да много услужил. А ты не умел владеть боярством. Ну, Горшеня, прилетали гуси с Руси?

— Прилетали.

— Перышки ощипал, а по-правильному покинул?

— Нет, наголо, великий государь, всего ощипал!

ЦАРЬ ИВАН И ЛАПОТНИК

Когда Иван ездил осматривать свое государство, многие простолюдины и дворяне подносили ему дары. Один честный лапотник, который плел лапотки и продавал по копейке пару, не знал, что поднести царю, и просил у жены совета.

— Поднеси пару хороших лапоток,— сказала она.

— Это не редкость,— отвечал он,— а есть у нас в саду огромная репа. Мы поднесем ему эту репу, а вместе и пару лаптей.

Как сказано, так и сделано. Царь очень милостиво принял подарок и, износив сам одну пару лаптей, заставил всех дворян покупать у крестьянина лапти по пяти шиллингов пару. Это составило крестьянину состояние; он начал торговать и скоро так разбогател, что оставил после себя значительное имение. Потомки его получили дворянское достоинство и называются теперь Лапотскими. Есть одно дерево, подле которого стоял прежде дом его и на которое проходящие бросают свои старые лапти в память этого лапотника; это обыкновение до сих пор еще ведется.

Один дворянин, видя, что такая награда была получена за лапоть, хотел также получить награду,

и еще значительнее, за хорошего коня. Но царь, угадав его намерения, подарил ему взамен ту большую репу, которую получил прежде, и таким образом заставил всех над ним смеяться.

МЕРТВОЕ ТЕЛО

В некоем царстве, не в нашем государстве, жила старушка-вдова; у нее было два сына умных, а третий дурак. Стала мать помирать, стала именье отказывать — кому что, и просит умных:

— Не обделите, сынки, дурака; было бы всем поровну.

Вот старуха померла, умные братья разделили все имение между собой, а дураку ничего не дали. Дурак схватил покойницу со стола и потащил на чердак.

— Что ты, дурак? — закричали на него братья. — Куда поволок?

А дурак в ответ:

— Вы двое все добро себе забрали; мне одна матушка осталась.

Втащил наверх и принялся кричать во все горло:

— Люди добрые! Поглядите! Матушку убили!

Братья видят, худо дело, и говорят ему:

— Дурак, не кричи! Вот тебе сто рублей! Вот тебе лошадь!

Дурак взял деньги, запряг лошадь, посадил старуху на дровни и повез ее, словно живую, на большую дорогу.

Скачет навстречу ему барин, колокольчик под дугой так и заливаётся; дурак с дороги не сворачивает.

— Эй ты, олух, вороти в сторону! — кричит барин.

— Сам вороти! — отвечает дурак.

Барин осерчал, заругался, не велел сворачивать, наскочил на дровни и опрокинул на бок; старуха упала, а дурак завопил:

— Караул! караул! Барин матушку до смерти зашиб!

— Молчи, дуралей! Вот тебе сто рублей!

— Давай триста.

— Чорт с тобой. Бери триста, только кричать перестань.

Дурак взял с барина деньги, положил старуху на дровни и поехал в ближайшее село; пробрался задками к попу на двор, залез в погреб, видит — стоят на льду крынки с молоком. Он сейчас снимал с них покрывки, приволок свою старуху и усадил возле на солому; в левую руку дал ей кувшин, в правую ложку, а сам за кадку спрятался. Немного погодя пошла в погреб попадьё; глядь — незнамо чья старуха сметану с крынок снимает да в кувшин собирает; попадьё ухватила палку, как треснет её по голове! Старуха свалилась, а дурак выскочил и давай кричать:

— Батюшки-светы, караул! Попадья матушку убила!

Прибежал поп:

— Молчи, — говорит, — я тебе сто рублей заплачу и мать даром схороню.

— Неси деньги!

Поп заплатил дураку сто рублей и похоронил старуху. Дурак воротился домой с деньгами. Братья спрашивают:

— Куда мать девал?

— Продал, вот и денежки.

Завидно стало братьям, стали сговариваться:

— Давай-ка убьем своих жен да продадим. Коли за старуху столько дали, за молодых вдвое больше дадут.

Ухлопали своих жен и повезли на базар. Там их взяли, в кандалы заковали и сослали в Сибирь. А дурак остался хозяином и зажил себе припеваючи, мать поминаючи.

ВОРОВАТЫЙ МУЖИК

Жила-была старуха, у нее было два сына: один-то помер, а другой в дальнюю сторону уехал. Дня три спустя, как уехал сын, приходит к ней солдат и просится:

- Бабушка, пусти ночевать.
- Иди, родимый. Да ты откуда?
- Я, бабушка, Никонец, с того света выходец.
- Ах, золотой мой, у меня сыночек помер, не видал ли ты его?
- Как же, видел; мы с ним в одной горнице жили.
- Что ты?
- Он, бабушка, на том свете журавлей пасет.
- Ах, родненький, чай, он с ними замаялся?
- Еще как замаялся! Ведь журавли-то, бабушка, все по шиповнику бродят.
- Чай, он обносился?
- Еще как обносился-то! Совсем в лохмотьях!
- Есть у меня, родимый, аршин сорок холста да рублей с десяток денег, отнеси к сыну.
- Изволь, бабушка.
- Долго ли, коротко ли, приезжает сын.
- Здравствуй, матушка!

— А ко мне без тебя приходил Никонеец, с того света выходец, про покойного сынка сказывал; они вместе в одной горнице жили; я услала туда с ним холстик да десять рублей денег.

— Коли так,— говорит сын,— прощай, матушка. Я поеду по вольному свету; когда найду дураковатей тебя, буду тебя и кормить и поить, а не найду— со двора спихну.

Повернулся и пошел в путь-дорогу.

Приходит в господскую деревню, остановился возле барского двора, на дворе ходит свинья с поросятами. Вот мужик встал на колени и кланяется свинье в землю. Увидала то из окна барыня и говорит девке:

— Ступай спроси, чего мужик кланяется.

Спрашивает девка:

— Мужик, чего ты на коленях стоишь и свинье поклоны бьешь?

— Матушка, доложи барыньке, что свинья-то ваша пестра—моей жене сестра, а у меня завтра сын женится, так на свадьбу зову. Не отпустит ли свинью в свахи, а поросят в поезд?

Барыня как выслушала эти речи, так и говорит девке:

— Какой дурак! Просит свинью на свадьбу, да еще с поросятами! Ну что ж? Пусть с него люди посмеются. Наряди поскорей свинью в мою шубу да вели запрячь в повозку пару лошадей: пусть не пешком идет на свадьбу.

Запрягли повозку, посадили в нее наряжену свинью с поросятами и отдали мужику; он сел и поехал назад.

Вот воротился домой барин, а был он в то время на охоте. Барыня его встречает, сама со смеху помирает:

— Ах, душенька, не было тебя, не с кем было посмеяться. Был здесь мужичок, кланялся нашей свинье: ваша свинья, — говорил, — пестра — моей жене сестра, и просил ее к своему сыну в свахи, а поросят в поезжане.

— Я знаю, — говорит барин, — ты ее отдала.

— Отпустила, душенька. Нарядила в свою шубу и дала повозку с парой лошадей.

— Да откуда мужик-то?

— Не знаю, голубчик.

— Это выходит: не мужик дурак, а ты дура!

Рассердился барин, что жену обманули, выбежал из хором, сел на иноходца и поскакал в погоню. Слышит мужик, что барин его нагоняет, завел лошадей с повозкой в густой лес, а сам снял с головы шляпу, опрокинул наземь и сел подле нее.

— Эй ты, борода, — закричал барин, — не видал ли, не проехал ли здесь мужик на паре лошадей? Еще у него свинья с поросятами в повозке.

— Как не видал! Уж он давно проехал!

— В какую сторону? Как бы мне его догнать?

— Догнать — не устать, да повороток много: того и смотри заплутаешься. Тебе, чай, дороги неведомы.

— Поезжай, братец, ты. Поймай мне этого мужика.

— Нет, барин, мне никак нельзя. У меня под шляпой сокол сидит.

— Ничего, я постерегу твоего сокола.

— Смотри, еще выпустишь. Птица дорогая, меня хозяин тогда со свету сживет.

— А что она стоит?

— Да рублей триста будет.

— Ну, коли упушу, так заплачу.

— Нет, барин. Хоть теперь ты сулишь, а что после будет, — не ведаю.

— Экой невера! Ну вот тебе триста рублей про всякий случай.

Мужик взял деньги, сел на иноходца и поскакал в лес, а барин остался пустую шляпу караулить. Долго ждал барин: уж солнышко закатывается, а мужика нет как нет.

— Пстой, посмотрю, есть ли под шляпою сокол. Коли есть, так придет; коли нет, так и ждать нечего.

Поднял шляпу, а сокола и не бывало.

— Экой мерзавец! Ведь наверно это был тот самый мужик, что барыню обманул!

Плюнул с досады барин и поплелся к жене. А мужик уж давно дома.

— Ну, матушка, — говорит старухе, — живи у меня: есть на свете и тебя дурашливее. Вот ни за что ни про что дали тройку лошадей с повозкою, триста рублей денег да свинью с поросятами!

МУЖИК И БАРИН

Жил-был мужик да баба, а у них были два сына. Обоим им не приходилось дома жить, один и ходил все по чужой стороне. Вот раз он пошел на чужую сторону и надел два армяка — черный да желтый, и два башлыка такие же. Идет он путем-дорожкой, попадаетея ему навстречу барин, едет на паре. И приказал кучеру остановить коней. Остановил кучер коней, подозвал барин мужика к себе.

— А, — гыт, — добрый человек! Вижу, ты по чужой стороне бывал.

— Да, точно так, — гыт, — бывал.

— И много народу видал?

— Видал на своем веку порядочно.

— Скажи, пожалуйста, кто лучше: из попов, или из судей, или из нашего брата — из бариней?

Он думал, думал и говорит:

— Из попов, так половина дураков.

— А как так?

— А потому, что как поп поторопится, так и скоро может пропеть, а нет, так и истово поет.

— А из судей?

— Из судей две трети дураков есть.

— Почему же?

— А потому что судьи, кто их подпоит, так они по тому и судят, а кто не подпоит, так на того ровно воду поливают.

— Ну и это хорошо. А из нашего брата, из бариней?

— Из вашего брата две трети дураков да треть безумников.

Барин и говорит кучеру:

— Кучер, погоняй!-- и поехал.

Отъехал недалеко и говорит барин кучеру:

— Что же, кучер, ведь он нас ни во что поставил?

— Да я давно думаю, что он вас ни во что поставил, да не смею сказать.

— Ой, ты, чудака, ты бы давно сказал! Давай поворачивай коней да спросим, почему он нас ни во что поставил.

Заворотили коней и поехали. Увидал этот мужик барина, снял черный армяк и черный башлык, а надел желтый армяк да желтый башлык, подошел к сосне и подпер сосну плечом, а сосна та наклонилась на озимь.

Подъехал барин и спрашивает:

— Не видал ли мужичка в черном армяке да черном башлыке?

— Да,— гыт,— сейчас прошел мимо такой точно.

— Можем мы его догнать?

— Догнать-то можно, да этто дорог-то много.

— А не знаешь, какой он дорогой пошел?

— Как не знать, я бы сразу нашел его.

— Так, сделай милость, приведи его сюда.

— Мне нельзя уйти-то: сосна-то наземь упадет.

— Ну, мы с кучером подержим сосну-то.

— Давай, могу сходить, пешком-то только не догнать, надо лошадь.

— Кучер, отстегни ему лошадь.

Барин держит сосну, а кучер отстегнул лошадь. Мужик сел на лошадь и потурил. Съездил в лесок и едет опять назад.

— Вот что,— говорит,— я там его догнал, посадил на лошадь, он и поехал было неладно, а как ежели мне сидеть, так он за мной нейдет, так давайте другую лошадь, мы на лошади-то и приедем.

Велел барин выпрячь и другую лошадь. Мужик сел на одну, а другую в повод, да и поехал в то село, из которого был барин. Приехал к барыне и просит пять тысяч денег:

— Барыня,— говорит,— давай скорее пять тысяч, барин купил сто десятин лесу.

А та говорит:

— Давай записку.

— А какая записка? Видишь его коней?

Принесла барыня пять тысяч денег и отдала мужику. А он у нее еще попросил какой-нибудь повозки.

Барыня говорит:

— У нас худых повозок нет, так возьми вон стеклянную.

Заложил мужик коней да и говорит:

— Эти две лошади, пожалуй, не выслужат. Давайте еще лошадь.

— Запрягай в корень сивка,— говорит барыня,— недавно еще обучили.

Сел мужик да и поехал домой.

А барин с кучером стояли, стояли, не могут дождаться. Вот и говорит барин кучеру:

— Не обманул ли нас мужик-от?

— А я давно думаю, что обманул, да вам не смею сказать.

Барин закричал:

— Ой, ты, фирюль! Я бы давно оставил сосну-то, так пускай у него озимь-то захлестнуло. Давай оставим сосну, отбегай, чтобы не задавило.

Кучер отскочил, а сосна и не думает валиться.

— Что же сосна-то не падает? Давай,— говорит,— столкнем.

Попихали, попихали, не могут спихнуть.

— Давай,— говорит барин,— разбежимся да толкнем, она и слетит.

Как разбегутся, кучер все прибежит переже барина. И говорит барин кучеру:

— Ты отойди подале, а я поближе, так вместе к сосне и прибежим.

Отошел кучер дальше, а барин ближе. Бегут вместе к сосне. Подбегает кучер к сосне и упал, а барин через него да лбом о сосну. Лоб-от весь и расшиб, кровь пошла. Завязался он и пошел к своей повозке.

И спрашивает барин у кучера:

— Что тяжельше: тарантас везти или хомуты нести?

И говорит кучер:

— Конечно, сами знаете, лошадь идет в тарантасе, так никогда не вспотеет, а под хомутом все мокро. Так как хомут не тяжельше?

— Так неси, кучер, ты хомуты, а я тарантас повезу: я тяжелого не могу нести.

Надел кучер на обе руки по хомуту и легонько пошел, а барин так и нагибается, тарантас тащит, так что даже пот со всего полил. Отстал барин от кучера из виду вон и закричал:

— Подожди, подожди!

Остановился кучер и ждет барина. Подвез барин тарантас и говорит:

— Клади-ка хомуты в тарантас да повезем вместе.

Кучер положил хомуты в тарантас, да лишь сунул в колесы по стягу, а сам пихал лениво. Барин понатужился,— не может с места сдернуть.

— Нет,— говорит,— возьми ты хомуты, а я опять тарантас повезу.

Кучер выдернул стяги, взял хомуты и пошел вперед.

Доехал барин до своего села, выскочила барыня и говорит:

— Поздравляю вас с новой купчей!

Барин вытаращил глаза и спрашивает:

— С какой купчей?

— Да ведь вы послали мужика, он увез пять тысяч денег на ваших конях да стеклянную повозку.

Барин провздыхался да захохотал:

— Ну, хоть не одного меня обманул, и барыню обдул этот самый мужик.

КАК БАРИН ЛОШАДЕЙ СЕБЕ ИЗ ТЫКВ ВЫСИЖИВАЛ

Как посеял один мужичок арбузов, и удались они такие хорошие и так много. Вот они поспели, и давай он их выбирать и повез в город продавать. Подходит к нему помещик и говорит ему:

— Что ты это, мужичок, продаешь?

А он говорит:

— А яйца.

— А что из них можно сделать?

А он говорит:

— А вот что из них можно сделать: ежели ты хочешь ездить на хороших лошадях, сядь на эти яйца да на высокие елки, и высидишь себе таких лошадей, каких ты никогда не видывал.

Вот он купил себе этих самых арбузов несколько штук, потом и говорит этому мужику:

— Ну, брат, теперь я тебе дам сто рублей, — только ты меня сведи, на которых елках можно высидеть лошадей.

А этот мужичок знал, где лежит заяц, под какой елкою. Вот он и повел его туда и говорит:

— Ну, садись, да смотри не слезай, покамест из-под тебя не вылезут эти лошади.

Вот он идет к дому и приказывает жене:

— Приноси мне завтракать, обедать и ужинать, а мне домой ходить некогда.

Вот жена носила ему один день, и другой день, и третий день, а потом как-то и позабылась. Вот он сидел, и захотелось ему так сильно есть, что он сам себе и говорит, сидя на елке:

— Ах, боже мой, вот какая моя жена: на хороших-то лошадях бы ездила, а про меня и забыла!

Потом и говорит:

— Подожди; только домой приеду, то она это будет помнить, что она про меня позабыла.

Как стал поворачиваться, да как загремит он с этой елки, а под той елкой лежал заяц, этот заяц как вскочит, как побежит, а он за ним вслед и кричит:

— Ай, не досидел я себе лошадей!

Тот только и был таков: побежал в лес. Вот барин пришел домой и давай свою барыню бранить:

— Как ты не могла мне принести поестъ, а я только стал было досиживать себе хороших лошадей, и захотелось мне дюже сильно поестъ, то я хотел было слезть тихонько со своей наседки, да как обломился, да как об землю, а лошадь недосиженная из-под меня, то я ее догонял, догонял, никак не мог ее задержать; а если бы ты принесла мне поестъ, то были бы у нас лошади не такие, какие у нас теперь есть: когда я маленького и то никак не мог поймать, а если бы я досидел, то им бы и удержу не было, а теперь ты сама виновата, — все ездят на таких, какие есть.

КАК БАРИН ТЕЛИЛСЯ

Нанялся молодой парень к одному полковнику в денщики. Ну, и живет мало ли много ли времени у полковника. И вдруг полковник стал болен. Ну, он посылает денщика к доктору. Доктор велел полковнику помочиться в таз, и пускай ему принесут, — так узнает, какая болезнь. Вот он пришел, полковнику рассказал, что доктор приказал. Полковник, что нужно сделал; денщик поставил таз на голову и понес. Шел, шел, нагнулся на бок и все пролил.

— Ну, что я буду делать? Полковник сердитый! Видит — ходят коровы, корова и направляется с...ь. Он подбежал с тазом, она ему целый и надоила. Вот он принес к доктору.

Доктор говорит:

— Барин, — говорит, — скоро телиться будет.

(А корове действительно скоро надо телиться.) Вот он написал письмо барину, что он скоро телится. Вот денщик принес письмо к барину. Барин велел запрячь лошадей, чтобы уехать с глаз долой, чтобы не страмить своего лица. Вот денщик запряг коней, и отправились.

Дорогой нашли они убитого человека. И этому денщику понравились сапоги на ногах. Он взял саблю и отсек ноги мертвому. Положил в повозку, и поехали дальше.

Приезжают в одну деревню ночевать. Выпросились в одной избе. Их и пустили. Вот барин, назябши, лег на печку спать. А денщик лег на полати; и в этой избе телилась корова. И принесли теленка и ладят на печку поднять его. Вот этот денщик ревом и заревел:

— Не поднимайте теленка! барина съест!

Они засмеялись все над ним. Подняли на печку теленка. Все уснули, а этот денщик встал и будит барина:

— Вставай, барин, ведь ты телился.

Вот барин вскочил: теленок ползет вокруг печки.

— Ой, денщик, надо нам уехать, ничего не сделать, пускай теленок здесь остается.

Сейчас коней запрягли и покатали. Поотъехали от деревни, денщик и говорит:

— Не ладно, барин, сделали, что уехали из деревни. Они пронесут про нас славу.

Вот барин дал ему триста рублей денег:

— Ступай снеси им и скажи, чтобы никому не говорили.

Вот он взял эти деньги, воротился, лег на полати и лежит. Полежал маленько на полатах и будит хозяев:

— Пора вставать, время нам ехать.

А сам эти сапоги положил на печку и дал телку жилки от ноги, и тот сосет. Потом пошел как будто барина будить на печку.

— Ну, что я вам говорил, что теленок барина съест,— вот он и съел. Я вас теперь всех под суд отдам.

Вот и давай упрашивать они его:

— Нельзя ли как скрыть?

— Пятьсот рублей денег давайте, так скрою.

Вот они отсчитали пятьсот рублей, и деньги ему. Вот он пришел к барину, сел на козлы, и поехали.

— Теперь, — говорит, — у меня дело облажено.

Ну, поотъехали они верст тридцать, а перелесок был шестьдесят верст. На половине пристановились покормить лошадей; видят стог сена. Взяли коней привязали к стогу. А время было холодное, мужик взял в куль забрался и сидит там. И барин озяб.

— Пусти меня туда, денщик, ты уже понагрелся.

Вот он вылез оттуда, барин залез в куль этот.

— Ну-ка, денщик, завяжи-ка меня еще.

Он взял завязал барина в куль, а сам отошел в сторону и вернулся.

— Ах вы, сукины дети, вы кормить лошадей у чужого сена!

И давай хлестать по земле, а сам ревет, как будто его бьют. Вот барин в куле заворочался.

— Ну, а тут кто ворочается?

Заревел и давай по кулю дубиной возить. Барин застонул дурным матом. Бучил, бучил:

— Пойду, — говорит, — мужикам скажу, так мы вас тут сломаем вдребезги.

Поотошел, полежал маленько, потом идет.

— Что, барин, жив ли ты?

— Ой, как мне попало!

— А мне, — говорит денщик, — как насыпали! До того досталось!

Ну, опять запрягли коней и опять погнали дальше.

Стали они заворачиваться, чтобы к дому ехать, а аккуратно приходится ехать мимо погосту. А аккуратно

время было воскресенье. Вот этот полковник и говорит:

— Вот что, давай заедем на погост, я молебен отслужу, что господь мне дал родов хороших, — не слышал, когда и родил.

БАРИН И МУЖИК

Жил-был мужик; имел у себя много овец. Зимним временем большущая овца обьягчилась, и взял он ее со двора в избу с ягненокком. Приходит вечер. Едет барин, попросился к нему ночевать. Подошел под окошко и спрашивает:

— Мужик, пусти ночевать.

— А не будете ночью озоровать?

— Помилуй! Нам бы только где темну ночьку проспять.

— Заезжай, барин.

Въехал барин с кучером на двор. Кучер убирает лошадей, а барин в дом пошел. На барине был огромный волчий тулуп. Взошел в хату, богу помолился, хозяевам поклонился:

— Здорово живете, хозяйин с хозяйшкой!

— Добро жаловать, господин!

Сел барин на лавочку. Овца волчий тулуп увидала и глядит на барина; сама глядит, а ногой-то топ, и раз, да и два, да и до трех. Барин говорит:

— А что, мужичок, овца ногой топает?

— Она думает, ты волк, слышит волчий дух. Она у меня волков ловит; вот нынешнюю зиму с десяток поймала.

— Ах, дорого бы за нее я дал! Не продажна ли она? Для дороги мне она хороша.

— Продажна, да дорога.

— Эх, мужичок, да не дороже денег; у барина хватит.

— Пожалуй, уважить можно.

— А сколько она стоит?

— Пятьсот рублей.

— Помилуй, много! Возьми три сотенки.

Ну, мужик согласился, продал. Барин ночь переночевал, на зорьке встал и в путь собрался; хозяину три сотенки отдал и овечку взял, посадил в санки и поехал. Едет. Идут навстречу три волка. Вот овца увидала волков, так и прыгает на санях, сама через наклеску сикает. Барин говорит кучеру:

— Надо пускать: вишь, она как раззадорилась. Сейчас поймает.

(А она боится.)

Кучер и говорит:

— Пстой немножечко, сударь, она раззадорится.

Сверстались волки с ними ровно. Барин выпустил овцу; овца испугалась волков, в лес полетела, коротким хвостом завертела. Как волки за ней залились, только снег раздувается, а кучер за ней собирает. Поколе лошадушку выпрягал, в погонь за овцой скакал, волки овцу поймали и шкуру с нее содрали, сами в лес убежали. Кучер подскакал — овца на боку лежит, а ее шкура содрана лежит. Подъезжает к барину. Барин его спрашивает:

— Не видал ли чего?

— Ах, сударь, хороша овца! Вся изорвалась, а волкам не поддалась.

Мужичок три сотенки получил, сидит теперь барину сказочки рассказывает, а три сотенки в кармане лежат.

КОЗА

Один мужик водил козу на торг, да и не продал. Вот как пошел он домой, так пришлось идти лесом. Идут они лесом и видят—лежит мертвый волк. Мужик подошел к нему, да и думает, что делать. В то время ехал вблизи барин из гостей. Увидел он козу, и мужика спрашивает:

— Что ты тут делаешь?

— Да вот коза моя поймала волка, так я вот и думаю, что с ним делать.

Немного и покраснел, что соврал.

— Вот это хорошая коза, что волков берет. Продай ее мне.

— А что вы, барин, дадите мне за нее? — спросил мужик.

— Да сто рублей дам.

— Ну, так давайте.

Вот барин взял козу, повел ее в лес, да и привязал длинной веревкой к дубу. Вот приходит один волк, да и стал около козы, а она „ме-ке-ке“ да и стоит. Барин и говорит:

— Вот проклятая коза, одного еще и не берет.

Вот пришел и другой волк. А коза все стоит да „ме-ке-ке“. А барин:

— Вот коза! И двух не берет!

Вот как выскочил из лесу третий волк, как схватили они все трое козу, так и разорвали, а барин стоит да:

— Ну, проклятая коза, двух не брала, а троих не одолела.

КАК МУЖИК ИЗБИЛ БАРИНА В ДОРОГЕ

Шли барин и мужик странствовать. И встретились оба.

Вот и говорит барин мужику:

— Расскажи что-нибудь, мужик.

А тот отвечает:

— А если у меня нет ничего, что бы рассказать?

— Ну, тогда я тебе расскажу. Вот я ездил на охоту и увидел такого зайца, как конь большого.

А тот мужик и говорит:

— А вот я что скажу, барин: если кто что соврет, то упадет под тот мост, что здесь есть за полем.

(А такого мостка и не было, только тот мужик нарочно так сказал, чтобы барин не завирался.)

Вот идут, идут дальше, барин говорит мужику:

— Расскажи что-нибудь.

— У меня нет чего рассказать, пусть барин еще что расскажет.

— Вот я тебе расскажу, что я немного прибавил о зайце: он не был с коня, он был с осла.

Идут, идут дальше. Снова говорит барин мужику:

— Что ж ты ничего не рассказываешь?

— Так если, барин, мне нечего рассказать!

А тот барин:

— Вот я еще что припомнил о том проклятом зайце: он ведь был не с осла, а с волка.

Идут, идут дальше, барин и говорит:

— Расскажи что!

Но тот опять отвечает:

— Мне нечего рассказать.

— Вот что я еще припомнил о зайце: он ведь не с волка, а с собаку.

Но тот мужик ничего ему не сказал.

Снова идут дальше. Барин и говорит.

— Вот что я тебе скажу еще про того зайца-то: ведь он был не с собаку, а просто как заяц.

А мужик барина хлоп в морду!

А тот говорит:

— Не бей!

А тот и говорит:

— Как же тебя не бить, если ты врешь?

— Ну тогда я за это попаду под мост.

— Ну, а коли такого и моста-то нету. Я им только так тебя пугал.

Идут дальше. Барин уже злится на того мужика.

Вот пришли к роднику, сели себе и едят. У барина колбаса, булки, а у мужика только сухой хлеб. Вот тот барин поел и заснул. А тот мужик взял у него деньги, забрал колбасу и булки, одну разломил надвое и кинул от него подальше. Тот проснулся и будит мужика; а тот себе спит (он не спал, а только притворялся, что заснул).

— Смотри-ка, что эти шельмы вороны мне наделали.

И говорит тому мужику:

— Все от меня позабирали и разнесли по полю.

А мужик говорит:

— Не надо было спать, теперь пойдем, — все одно не найти того, что уже пропало.

Идут, идут и находят вдруг мешок с ячменем. Мужик и говорит барину:

— Мешок будет ваш, если скажете сразу: „мешок и ячмень“.

Тот и говорит:

— Ячменчик и воречек.

— Нет, не так.

— Ячмень и ворек?

— Нет, не так.

— Ячмень и мешок.

— Нет, не так.

Мужик и говорит:

— Что бы вам, барин, сказать, что „ячмех“.

Барин и говорит:

— Ну, правда, возьми себе, потому что ты придумал.

Идут дальше. Находят воск и топор в мешке.

Барин и говорит:

— Что там?

— Топор и воск... Ну, снова думайте, барин.

— Воск и секирка.

— Нет, не так.

— Воск и секира.

— Нет, не так. Что бы вам, барин, сказать— „воскира“, тогда бы это было бариново.

— Ну, возьми себе.

Идут, идут вдоль речки, около мельницы. Дыгляку (плотину) водой разорвало, и стоит она сбоку на реке. Увидел барин это и говорит мужику:

— Вот я что нашел.

— Ну, если, барин, догадаетесь, то это будет ваше.

— Теперь я пригадал: то дырдошка.

— Ну, теперь, барин, бери и неси с собой.

Вот барин берет и несет семь верст до дому ту доску. Взял за нее шесть с половиной копеек денег

и не знает, что с ними делать. И взял пошел домой. И уж больше не ходил странствовать, распоряжался своим именем. Познакомился он хорошо с бедою, а то раньше он ее и не знал.

БРЕХУН

Был у барина человек, который любил врать и тем тешить барина. А у одного мужика женка и говорит своему мужу:

— Эх, если бы ты наврал бы чего, чтобы барина умиловить. Чтоб ты был на месте Гаврилки.

Идет он на барщину и встречает барина.

— Ну, что там слышно?

— Так вот, барин, что будет: этой ночью мы слышали, как собаки лаяли в небе.

— Не может того быть. Закуйте его в кандалы за такую брехню.

Заковали. Жейка-то узнала и махнула к Гавриле, рассказала все дело и просит выручить мужа. Тот идет на барский двор, а барин навстречу.

— А знаешь ли, Гаврила, что он мне понасказал?

— Не знаю, а что?

— Да сказал мне—ночью собаки лаяли в небе.

— Ведь то правда, барин.

— Каким же образом?

— Да вот орел взял собаку и унес в скалы, что над селом, вот она и лаяла.

— Ну, тогда выпустите его из оков.

БАРИН И КУЧЕР

Поехал барин с кучером в гости к своему тестю. Кучер взял с собой калач, а барин не взял ничего. Вот они едут. Навстречу им попался мужик. Они его и спрашивают:

— Далеко ли до города?

Он и говорит:

— Если тихо поедете, то сегодня доедете, а если быстро — не доедете.

— Айда, гоняй скорее, нечего дурака слушать, — говорит барин.

Вот они гнали, гнали лошадей, лошади-то и устали; и довелось им ночевать в поле. Выпрягли они лошадей. Барин лег спать, а сам не спит, потому есть хочет. А Афонька-кучер взял калач, обернул сеном и ест.

— Ты чего ешь? — спрашивает барин.

— Сено, — говорит кучер.

— Дай-ка мне!

— Изволь.

Барин взял сено и говорит:

— Э, мужицкое брюхо, правду говорят, что мякиной набито!

Вот поехали они дальше. Навстречу им попался еще мужик. Они его и спрашивают:

— Далеко ли до города?

Он им и говорит:

— Если тихо поедете, то доедете; а шибко — не доедете.

— Вот дурак мужик! Гоняй! — говорит барин.

На другую ночь они опять ночевали в дороге. Остановились у старухи, она и накормила их киселем.

— Э, какой сладкий, — говорит барин с голодухи. — Эй, Афонька, говори всю дорогу: кисель!

— Где, барин, мне говорить: мое дело „тпру“ да „но“, ты уж сам говори.

Барин и трестил всю дорогу: кисель, кисель, да и забыл.

— Ах, Афонька, забыл! — кричит барин.

Кучер вместо ответа и кричит:

— Барин, волк!

— Где?

— Вот тут, около дороги.

— Чего мы будем делать?

— Лай, барин, по-собачьи.

— Я не умею.

Кучер ему показал, да и говорит:

— Ты кричи шибче.

Барин кричал, кричал, да и попал в тину. Стал кучер вытаскивать барина и говорит:

— Тина-то какая, ровно кисель.

— Вспомнил теперь! — закричал барин, — никогда не забуду. А приедем мы в город, я буду там говорить: „тюк-тюрюрюк“, это значит: я есть хочу.

— Ладно, — говорит кучер.

Вот и приехали к тестю. Барин и говорит:

— Тюк-тюрюрюк!

А тесть и спрашивает:

— Чего это он хочет?
— Баню нужно ему истопить, и пожарче.
Барина выпарили в бане. Он опять кричит:
— Тюк-тюрюрюк!
— Чего ему надо? — спрашивает тесть.
— Пить хочет, — говорит кучер.
Барин опять:
— Тюк-тюрюрюк!
— Барин спать хочет, — говорит кучер.
Его уложили спать. Барин опять:
— Тюк-тюрюрюк!
— Барин гулять хочет, — говорит кучер.
Одели барина и повели гулять. Зашел барин в кусты и поманил за собой Афоньку:
— Разве я тебе так говорил? — спрашивает он.
— Я, барин, забыл.
— Ну, так помни: коли скажу; „тюк-тюрюрюк“, значит — есть хочу.
— Хорошо.
Выходит барин на дорогу и говорит:
— Тюк-тюрюрюк.
— Чего ему надо? — спрашивает тесть.
— Он велит меня накормить.
Осерчал барин и крикнул:
— Врешь ты, я сам есть хочу!
Тут только барина и накормили.

БАРЫНЯ-ПЬЯНИЦА

Была такая барыня, что очень водку пила. Она в доме как будто не пьет, а как куда поедет, так пьет. Вот однажды поехала она в церковь, и захала перед обедней в трактир, и спрашивает еврея:

— Есть у тебя водка?

— Есть двадцать бутылок пива.

— А ну, дай первую.

Выпила.

— Дай вторую.

Досидела до того, что выпила девятнадцать бутылок, а одна осталась. И говорит:

— А ну, давай еще двадцатую.

Он ей дал. Она и пьет, и уже мочится. А еврей:

— Ой, вей, жена. Что барыня делает!

— Вот, дурень, то она наилучший спирт гонит.

Ну, приехала в церковь, села на лавочку и заснула. И пробудилась, да хлоп другого барина в морду:

— Погоняй, шельма! А то не застану обедни!

Она думала, что еще едет. Ну, не кончилось на том: приехала домой, велела себе ловить раков. Закинули невод в воду. Она сидит и спрашивает:

— А что? Закинули сети?

— Закинули.

— Дай водки перед раками.

Выпила стакан, спрашивает:

— Что, ловятся раки?

— Уже вытаскивают.

— Дай водки перед раками.

Выпила другой.

— А что, ловятся раки?

— Уже вытащили.

— Дай водки перед раками.

Выпила третий, спрашивает:

— Ловятся раки?

— Уже несут.

— Дай водки перед раками.

Выпила четвертый, спрашивает:

— А что, где раки?

— Уже принесли.

— Дай горелки перед раками.

Досидела до того, что как пила, так и заснула около стола. Слуги раков съели, ей руки обмазали, а скорлупу положили перед нею. Барыня проснулась:

— Где раки?

— А разве ж вы, барыня, не ели? Вот себе пальцы замарали.

— Правда, правда, что я уже съела. Ну, так дай водки после раков.

И так все пила водку.

БАРИН И КЛИМКО

У дворового человека Климки-дурака была хата, — где порог, тут и потолок. Вот однажды взял он горбушку хлеба и пошел в поле; вдруг едет барин; он стал метать горбушку хлеба вверх, а барин и спрашивает его:

— Что ты, Климка-дурак, делаешь?

— Воровать учусь, — отвечает он.

— Так уведи у меня тройку лошадей.

— Постараюсь увести, — говорит Климко.

Приехал барин домой, велел выпрячь лошадей, а конюхов оставил в сарае. Климко по дороге захватил вина и ранее их забрался в сарай, а вино на виду поставил. Вот один конюх и кричит:

— Эй, Ванюха, мне что-то попало! Иди, выпьем вина!

И напились. Климко взял их и посадил на ясли и в руки дал по веревке, а сам коней увел. Один и кричит:

— У меня коней нету!

А другой:

— У меня повод в руках!

Пришел барин и спрашивает:

— Где у вас кони? Нет их? Бегите к Климке-дураку!

Сбегали они, сто рублей снесли и коней привели. Призывает барин Климку и говорит:

— Унеси ты у нас с барыней перину, когда мы спим.

— Ладно, — говорит, — унесу.

Забрался на потолок, провертел в потолочине дыру, взял дрожжей бутылку. Спят барин с барыней, а он и вылил дрожжи на них, а дрожжи-то были холодные. Они проснулись и закричали:

— Ой, ой, как холодно!

Соскочили оба с кровати и убежали в другую комнату, а Климко-дурак взял перину из-под них и украл. Вот барин схватился, а перины-то и нету; опять посылает своих слуг за Климкой. Отдает ему деньги за выкуп перины и говорит:

— Увези ты у меня барыню!

— Ладно, — говорит Климко, — постараюсь увезти.

У Климки было много денег, купил он новые сапоги. А барыня собирается ехать в другую усадьбу, слуги выносят имение в возок, и поехали. А Климко забежал вперед и бросил один сапог, а кучер заметил это и говорит:

— Барыня, позвольте мне слезть и поднять сапог.

— Ну ладно, ступай!

Он поднял сапог и положил под беседку.

Поехали дальше, видят — еще другой сапог лежит. Вот кучер опять спросил позволения у барыни поднять и этот сапог; барыня согласилась; кучер слез, пошел за сапогом, а Климко — не дурак: взял сапог подальше кинул. Пока кучер бежал за сапогом, а Климко сел на козлы и поехал во весь дух и привез барыню в свою хату. Барин ждет-пождет

барыню, — нет ее. Послал своих слуг узнать к Клишке, нет ли ее у него, она оказалась там. Барин послал много денег Клишке и выкупил барыню.

Климко построил себе новую избу и стал жить да поживать.

КАК МУЖИК УЧИЛ ОСЛА ГОВОРИТЬ

Жил-был бедный мужик. И пошел к барину и говорит, что:

— Я, барин, научу в двадцать лет осла говорить, только дайте мне вперед три тысячи денег.

И барин дал ему. И подписался тот мужик под страхом смерти, если не научит говорить. Над тем мужиком люди смеялись и говорили:

— Что ты сделал? Ведь ты же его не научишь, потому что и пословица есть — „осел ослом“, а не то чтобы кто-нибудь его говорить научил.

— Нет, я хорошо сделал, что взял три тысячи рублей сроком на двадцать лет: за двадцать-то лет либо осел сдохнет, либо барин умрет, либо я, а до того времени я буду хорошо жить.

БАРИН ИЩЕТ СЧАСТЛИВОГО МЕСТА

Спрашивает барин кучера:

— Что это, брат, ты как сядешь до ветру, так у тебя и готово, а вот я раз пять сажусь, и никак не отделаюсь.

— То я, барин,—говорит,—счастливое место знаю.

— Покажи же и мне.

— А вот доедем.

Проехали они немного,

— А что, далеко?

— Да вот за горою.

— То-то, а то мне уже тяжело!

Еще проехали.

— Где ж оно? Я не выдержу.

— Вот садитесь.

Справился барин.

— Ну, где ж твое счастливое место?

— Так это ж, барин, оно и есть.

Тогда стал барин знать счастливое место.

ПОЧЕМУ КАЗАК ПОХОЖ НА БАРИНА

Это было на Волыни. У одного барина-поляка было много имений. Вот приехал тот барин как-то в свою слободу. Управитель и прислал к нему казака с бумагами из другой слободы. Взглянул барин на казака и удивился: как вылитый другой он сам стоит перед ним. Вот он и спрашивает казака:

— Не была ли твоя мать прачкою в горницах у моего отца?

— Нет, не была,— отвечал казак,— только мой отец восемь лет топил в горницах печи у старой барыни.

ПОГОВОРИЛИ

Идет барин по базару и зашел туда, где мужики свиней продают.

Вот барин видит, что у каждого мужика лежит на возу свинья. Он и говорит:

— Что мужик, то и свинья!

А мужик видит, что как господа идут, так за ними собака бежит. Вот он и говорит:

— Что барин, то и собака!

БАРИН И ЕГО ЛАКЕЙ

Проходит лесом барин с лакеем. Вот лакей, идущи впереди, попридержал за собою рукою ветку, что нагнулась над тропинкой, а потом и отпустил. А она выправилась да хватъ барина по ляжкам.

— А, чтоб тебе добра не было! Как бьется,— кричит тот.

— Эх, скажи спасибо, барин, что я еще придержал пакостную ветку, а то б беда была,—отвечает лакей.

ЛЮБОПЫТНЫЙ БАРИН

Жил себе барин, богатый помещик. Сидит он как-то на крыльце и видит, что кто-то едет через его усадьбу. Прикрикнул барин на парнишку, что за ним ходил:

— Беги скорей да узнай, что это за птица такая едет через мою усадьбу.

Кинулся парень мигом догонять карету. Бежит и кричит проезжему, чтобы подождет. Остановился. Подбегает мальчишка. А то какой-то барин ехал.

— Чего тебе надо?— спрашивает проезжий.

— Да послал барин спросить, что вы за птица такая тут едете.

— Скажи же своему барину,— ответил проезжий,— что и ты дурень, и барин твой дурень.

Вернулся парень, а барин:

— Ну что?

— Да то какой-то знакомый.

— Как?

— Да так: и вас знает и меня знает.

— Как же он знает-то?

— Да он сказал, что и вы дурень, и я дурень. Задал же ему барин дурня.

ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Жил-был барин, и у него родился сын. Вся дворня думала, как наилучше поздравить барина. А их экононом так научает:

— Я пойду первым, гостинец ему принесем. Я на голове понесу ему полную корзину яиц да старшина ворону, а староста масленку. Как придем, я буду первым говорить. Ты, старшина, скажи: „со всем двором“, а ты, староста, скажи: „с детьми и жenkой“, а ты, парень: „со всем добром“.

Они пришли скоро к барину в покои. У эконома отвязалась веревка от лаптя, и как парень подошел и ногой призадержал нечаянно веревку, экононом повалился и кричит:

— Да пропади ты!

Старшина не расслышал, что сказал экононом, и говорит:

— Со всем двором!

А староста говорит:

— С детьми и жenkой!

А парень говорит:

— Со всем своим добром!

Барин, как услышал это, прогнал их палкой, как собак, вон.

ХОРОШО, ДА ХУДО

Жил-был барин в городе; приехал к нему из деревни староста.

— Это ты, Василий Петров?— спрашивает барин.

— Я, батюшко-барин.

— Не привез ли ты от матушки письма?

— Письмеца нет, только одна грамотка.

— Что же в ней прописано?

— Да, вишь, прогневили господа бога, ваш перочинный ножичек изломали.

— Как же вы его изломали?

— С вашего иноходца кожу снимали; ножичек-то мал, я его и сломал.

— Да разве мой конь помер?

— Нет, подох.

— Как же он издох?

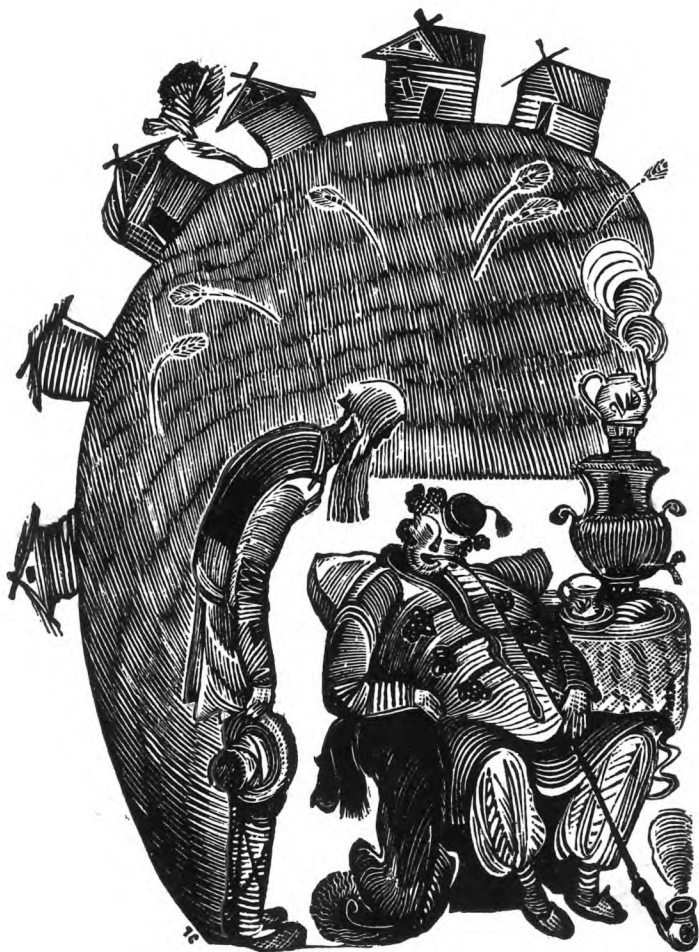
— Не он наперед подох; а ваша матушка, батюшко-барин.

— Ужли и матушка померла?

— Да как у Фомки овин горел, она в те поры сидела в каменном доме в верхнем этаже, а форточка пола была; искорка ей на ногу скакнула, барыня упала, да ногу-то и свихнула.

— А ты, дурак, чего не поддержал?

- Батюшко-барин! Она хлебом-солью откормлена. В кое место падет, меня уььет.
- Ты бы таковский и был. Отчего ж у Фомки овин загорелся?
- Не он наперед загорелся, а ваша новая ко-нюшня.
- Что от нее осталось?
- Три столба воротных да свороного коня под-уздочек.
- Как же она загорелась?
- Да не она, батюшко-барин, загорелась, а ваша новая мельница.
- Как? и новая мельница сгорела?
- Да, батюшко-барин, сгорела. Прогневили мы господа бога.
- Что ж от нее осталось?
- Вода да камень остались; камень-то начетверо разорвало, а все уцелел; да в дымном окошке кошка си-дела, так у ней глаза лопнули, а сама как есть живая.
- Как же новая мельница загорелась?
- Не она, батюшко-барин, наперед загорелась, а ваша кладовая,
- Как? и кладовая?
- Да, сгорела, батюшко-барин. Прогневили мы господа бога.
- Что же от нее осталось?
- Четырнадцать бутылок осталось; я у всех гор-лышки пообломал да отведывал: в иной кисло, в иной горько, а в иной и пить нельзя.
- Ты, дурак, пьян!
- Батюшко-барин. Ведь немножко отведал.
- Ты старостой называешься, а собрал ли с крестьян оброк?
- Собрал, батюшко-барин, собрал.
- С кого сколько?

— С Фомки грош, с Еремки грош, а Варфоломейка копейка.

— А что ж с него мало?

— Он вдовой, половину тягла платит.

— Где же деньги?

— Да шел я, батюшко-барин, по улице; стоит новый кабак, я на грош выпил да трехкопеечным калачиком закусил.

— Ты, дурак, пропил?

— Нет, батюшко, и пропил и проел.

— А собрал ли с крестьян муку?

— Собрал, собрал, батюшко-барин.

— Куда ж ты ее девал?

— Вам да свиньям пятьдесят четвертей; черному псу да моему родимому отцу сорок четвертей; суке Галяме да матери Ульяне тридцать четвертей; уткам да курам, сестрам твоим дурам—двадцать четвертей.

— Что ты, дурак, ругаешься?

— Батюшко-барин, пословица така.

ПОМЕЩИК И СТАРОСТА

Помещик приезжает в свою усадьбу-имение и кричит:

— Эй, староста! Да ты где в это время находился?

— В овине сушился, ваше шкабродие!

— Ну если бы овин загорелся?

— А я вышел бы да погрелся.

— А хорошо ли мои крестьяне живут?

— Хорошо, ваше шкабродие: у семи дворов один топор, и тот без обуха, и трое ворот и все на огород, и одни не запираются, а другие не затворяются, а третьи чорт знает где валяются.

— А хорошо ли мои крестьяне едят?

— Хорошо, ваше шкабродие; душу не морят, кашу не варят, горшок у кого постучится, у того круп-то не случится.

— Говорят, в моем имении много скота?

— Много, ваше шкабродие: кто любит ветчинку, кто солонинку, кто баранинку, спорят, спорят, да ничего и не сварят, да все порожни чаны.

— А все говорят, в моем имении хлеба много?

— Много, ваше шкабродие: я сам семь скирдов намолотил и склал на полатах, а кот-Васька хвостом махнул да все к чорту смахнул.

— Говорят, в моем имени кони хороши? Приведи-ка парочку, чтобы в дышле ходили.

— Хороши, ваше шкабродие: двое под уздцы, чтоб не плясали, четверо с боков, чтоб не упали.

— А ты собрал ли мне оброк с моих крестьян?

— Собрал: с Фомки да с Еремки по две копейки, а с Валейки одну копейку.

— А почему с Валейки одну копейку?

— А потому, ваше шкабродие, что он беден, как бес, — по три дня хлеба не ест, да он обижается, велика семья, да и барин-то свинья.

— Давай деньги, давай деньги!

— Ваше шкабродие, я шел улицей Ордынкой, зашел тепло в кабачок, выпил винца на пяточок, на копеечку закусил и на денежку табачку купил. На-ко, барин, понюхай!

— Прочь, негодяй! Что же мне остается сделать?

— Да не больше, не меньше, как умирать! Да и то наша жизнь — сказка, а смерть — развязка, а гроб — коляска, и ехать не тряско.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ СЛОВ

- Бугрина—бугор, холм.
Былина—трава, растение.
Волок—лесная дорога.
Ворок, ворек—мешок.
В споре дело—дело спорится.
Гыт—говорит.
Дóшка—доска.
Дребы—колья.
Дробинки—телега,
Дыляка—плотина из бревен и досок.
Зарыкать—закричать, заголосить,
Зóвок—придирчив, строг, криклив.
Кайкать—говорить, разговаривать.
Кочедычек—кочедык, костыч, лапотное шило.
Курник—курная, черная изба без трубы.
Гайдак—гуляка.
Лядаций—дрянной, плохой.
Масленка—четверик, мера.
Мыслёнок—желание, намерение, мысли.
Накинуться—придти в голову.
Наклёска—нахлестка, грядка, перекладина.
Нарядить—направить, заставить.
Полининка—небольшое полено.

Потурить—погнать.
Сверстаться—сравняться.
Сикать—сигать, прыгать.
Сопелка—свирель.
Стырдиться—внезапно умереть,
Тумак—ублюдок, выродок, дурак.
Фирюль—большой кулик, ротозей.
Уповод—конец дороги, какой проедешь, не кормя лошадей.
Шабёр—сосед.
Шинок—шина, железный обруч на колесе.
Шляхтун—мелкий помещик.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВ

- А. Андроников. Народные сказки Костромской губернии. „Труды Костромского Научного Общества по изучению местного края“, в. 1, 1913 г.
- А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, 1-е изд. М. 1855—1864 гг., в 8 вып.; 4-е изд., под редакцией А. Е. Грузинского, М. 1913—1914 гг., в 5 томах.
- Н. Л. Бродский. К воле. Крепостное право в народной поэзии. М. 1911.
- А. Н. Веселовский. Сказки об Иване Грозном. „Древняя и новая Россия“, 1876 г., № 4.
- П. А. Гнедич. Материалы по народной словесности Полтавской губернии. Роменский уезд. Выпуск IV. Сказки, легенды, рассказы. Полтава. 1916 г.
- Б. Д. Гринченко. Этнографические материалы, собранные в Черниговской и в соседних с нею губерниях. Вып. I. Рассказы, сказки, предания, пословицы, загадки и пр. Чернигов. 1895 г. Вып. II. Чернигов. 1897 г.
- В. Н. Добровольский. Смоленский этнографический сборник. Ч. I. Сиб. 1891. (Раздел: „Сказки бытовые“).
- М. Драгоманов. Малорусские народные предания и рассказы. Киев. 1876 г.
- М. М. Змиин. Ковернинский край. (Наблюдения и записи.) Кострома. 1920 г.

- Н. А. И в а н и ц к и й. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М. 1890 г.
- М и к о л а Л е в ч е н к о. Казки та оповідання з Поділля в записах 1850—1860 рр. Выпуск I—XI. З предмовою акад. А. М. Лободи. Упорядкувал Микола Левченко. У Києві 1928 р.
- Н. Е. О н ч у к о в. Северные сказки. СПб. 1909 г.
- Д. Н. С а д о в н и к о в. Сказки и предания Самарского края. СПб. 1884 г.
- А. К. С е р ж п у т о в с к и й. Сказки и рассказы белорусов-полящук. СПб. 1911 г.
- А. М. С м и р н о в. Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества, вып. I и II. Петроград. 1917 г.
- Б о р и с и Ю р и й С о к о л о в ы. Сказки и песни Белозерского края. Изд. Академии Наук. М. 1915 г.
- Ю р и й С о к о л о в. Что поет и рассказывает деревня. Журн. „Жизнь“, 1924 г., № 1.
- И. А. Х у д я к о в. Великорусские сказки. Вып. II, М. 1871 г.
- П. П. Ч у б и н с к и й. Труды этнографо-статистической экспедиции в Западно-русский край, снаряженной Русским географическим обществом. Юго-западный отдел. Материалы и исследования, собранные П. П. Чубинским. Том II. 1878 г.
- П. В. Ш е й н. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-западного края. Т. II. СПб. 1893 г.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О РУССКИХ СКАЗКАХ

- Борис Соколов. Русский фольклор. Вып. I и особенно вып. II, изд. Бюро заочного обучения при 2 МГУ. М. 1929—1930 гг.
- С. В. Савченко. Русская народная сказка. История собирания и изучения. Киев. 1914 г.
- Н. Л. Бродский. К воле. Крепостное право в народной поэзии. Книгоиздательство „Польза“ В. Антик. М. 1911 г.
- Марк Азадовский. Русская сказка. Избранные мастера. Изд.- „Academia“, 1932 г., т. I—II. (Вводная статья: „Русские сказочники“.)
- Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л. 1929 г.
- Н. Л. Бродский, Н. А. Гусев, Н. П. Сидоров. Русская устная словесность. Темы. Библиография. Программа для собирания. М. 1922 г.
- Борис и Юрий Соколовы. Поэзия деревни. Руководство для собирания произведений устной словесности. М. 1926 г.

СОДЕРЖАНИЕ *)

Ю. Соколов. Сказки о барах	7
--------------------------------------	---

Барская жестокость

Сердитая барыня (Соколовы, 45)	29
Барин и собака (Ю. Соколов, стр. 287)	32
Барин и плотник (Ончуков, 223)	37
Как казак проучил барина-самоуправника (Лев- ченко, 340)	39
Разбойник Тришка Сибиряк (Бродский, стр. 100) .	41
О барах (Шейн, II, 282)	47
Жалостливая барыня (Сержпутовский, 70)	48
Великий грешник (Шейн, II, 217)	56

Барская жадность

Барин и кучер (Гнедич, IV, 1252)	61
Липунюшка (Худяков, II, 64)	64
Барин-кузнец (Садовников, 39)	67
Как мужик с барином обедал (Чубинский, 108) . .	69
Хитрый мужичок (Соколовы, 107)	70
Жернов и певун (Соколовы, 73)	72
Чудесный боченок (Ончуков, 111)	73
Деньги (Соколовы, 100)	77
Барин и нищий (Соколовы, 154)	79

---

*) Цифры, если специально не оговорено, означают № сказки в используемом фольклорном сборнике.

Как на том свете работник скупого барина вызволял	86
Как Егорий ко Христу ходил (Соколовы, 116) . .	92

Барская спесь

Чего на свете не бывает (Андроников, 133)	97
Как парень у барина деньги выиграл (Лев- ченко, 345)	100
Мужик и барин (Чубинский)	102
Прыщи на женах (Левченко, 337)	103
Почему барская собака не ест сала (Афа- насьев, 249 сс)	104
Барбос и барин (Афанасьев, 249 дд)	105
„Я думал, что вы птица“ (Афанасьев, 249 д) . . .	106
Господских детей не накормишь (Гринченко, I,40)	107
Бедный барин и мужик (Левченко, 334)	108
Один слуга у двоих господ (Левченко, 331) . . .	109
Барин-бедняк (Левченко, 333)	110
В гостях и дома (Гринченко, II, 220)	111

Барское безделье

Солдат и барин (Смирнов, 232)	115
Про нужду (Садовников, 67)	117
Барыня и дыплатки (Ю. Соколов, стр. 286). . .	120

Барская глупость

Горшеня (Афанасьев, 186)	127
Царь Иван и лапотник (Коллинс см. Веселовский)	131
Мертвое тело (Афанасьев, 222а)	133
Вороватый мужик (Афанасьев, 220)	136
Мужик и барин (Иваницкий, 39)	140
Как барин лошадей себе из тыкв высиживал (Добровольский, 19)	145

Как барин телился (Соколовы, 62)	147
Барин и мужик (Садовников, 41)	151
Коза (Гринченко, I, 131)	153
Как мужик избил барина в дороге (Левченко, 347)	155
Брехун (Чубинский, 109)	159
Барин и кучер (Смирнов, 156)	160
Барыня-пьяница (Левченко, 316)	163
Барин и Клишко (Смирнов, 80)	165
Как мужик учил осла говорить (Левченко, 348)	168
Барин ищет счастливого места (Драгоманов, 190) стр.	169
Почему казак похож на барина (Чубинский, 110)	170
Поговорили (Гринченко, II, 136)	171
Барин и его лакей (Гринченко, II, 137)	172
Любопытный барин (Чубинский, 112)	173
Поздравление (Шейн, II, 150)	174
Хорошо, да худо (Афанасьев, 230)	175
Помещик и староста (Зимин, 89)	178
 Приложения	
Словарь местных слов	181
Указатель источников	183
Основная литература о русских сказках	185

Ответственный редактор *Ю. Соколов.*
Технический редактор *М. Козлов.*

Книга сдана в набор 19/III, подписана к печати 17/VII. Тираж 5250 экз. Москва. Уполн. Главл. Б 16329. Заказ типографии № 336. «АС» № 4. Индекс А—5 Бумага 74×105 — $\frac{1}{32}$, 6 печ. лист. Авт. 6 лист. Типогр. знаков на 1 бум. лист 56000.

Отпечатано в 16-й типографии треста «Полиграфкнига», Трехпрудный пер., д. № 9.

ГОТОВЯТСЯ К ПЕЧАТИ
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ:

СОКРОВИЩА МИРО-
ВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АМРАН

Осетинский эпос

ЛАТЫШСКИЕ СКАЗКИ

КАЛЕВАЛА

Финский народный эпос

ЯНГАЛ-МАА

Вогульская народная поэма

ТЫСЯЧА
И ОДНА НОЧЬ
Томы I, II, III и IV

„А С А Д Е М И А“
Ленинград, Социалистич., 14
Москва, Рождественка, 18

В сборнике „Барин и мужик“ воспроизведены сказки, большинство которых относится по своему происхождению к крепостной эпохе и воссоздает острые отношения подневольного крестьянства и барской дворян к своим господам. Сатирические сказки и легенды являются яркими художественными документами осознанной классовой борьбы крестьянства против помещиков.

Мужик отводит душу, обличая в своих сказках то барскую жестокость и произвол, то скупость и тупеядство, высмеивая барские прихоти и чудачества, выставляя на смех барскую недалекость и непрактичность. Вырисовывая барина глупым и смешным, крепостной крестьянин удовлетворял чувству острой классовой ненависти к своему эксплуататору и в форме нарочито наивной сказки выражал свою затаенную мечту о крутом перевороте социальных отношений. Сказки о барине и мужике могут служить прекрасным материалом для истории классового сознания широких трудовых масс крестьянства и для истории классовой борьбы, выраженной в художественном творчестве масс.